

Геннадий Волобуев

У парадного подъезда

Честный Брут

*Сказал, что Цезарь был властолюбив.
Коль это правда, это тяжкий грех,
За это Цезарь тяжело поплатился.*

В. Шекспир. Юлий Цезарь.

Акт III, сцена 2

*Нет, народ никогда не обманывался в своей
симпатии и антипатии к живой власти:
его любовь или его нелюбовь к ней—выс-
ший суд! Глас Божий—глас народа!*

Белинский, т. 3, стр. 577, изд. 1947 г.

Собачий хвост

— Так, «друзья», запомните раз и навсегда: я не позволю, чтобы хвост собаки управлял её головой. Делайте то, что я вам говорю! Петров, вы не успеете дойти до своего кабинета, как ваша табличка с двери окажется у меня в приёмной. Всем всё понятно? На этом заканчиваем!

Заключительные слова главы района Георгия Георгиевича Зарубнина были приняты руководителями служб в такой пронзительной тишине, будто все оказались в куске смолы, из которой получается янтарь. Вы наверняка видели неких существ, попавших в такое состояние. Разница была в том, что здесь сидели живые люди, на минуту окаменевшие от удивления и внезапного страха. Зал был предназначен для оперативных совещаний руководителей муниципальных предприятий, учреждений и служб администрации Приреченского района. Солидные, с возрастом, руководители и молодые, недавно назначенные на разные должности сотрудники понуро спешили покинуть холодный, неприветливый зал заседаний районной администрации. Многие из них пережили разные времена и видели уже не одного главу района, их «верных» заместителей и помощников. Я бы не стал о них говорить подробно. Промелькнули они в калейдоскопе местной истории и растворились—кто на новом поприще, кто в быту своей семьи, а кто и в мире ином. Но вот ведь какая штука—не всё проходит бесследно. Кто-то из них прочно засел в памяти славных служителей власти, равно как и в народе, и оставил в их душах свой след. Одни—светлый, лёгкий по жизни, с даром понимания и поддержки, другие—мрачный

начальственный, без тени юмора, натужный в общении. А кто-то исчез из памяти, даже имя его не могут вспомнить бывшие сослуживцы. Был чиновник—и нет его, будто и вовсе не было. Пусть извинит меня читатель, но должен признаться, что в народе устойчиво ходила, да наверняка живуча и поныне, одна крылатая фраза: «Ты—начальник, я—...». Нет, я воздержусь от такой прямолинейной и резкой фразы, думаю, что вы и так всё поняли. Можно, конечно, вспомнить не менее подходящее изречение, вернее, указ Петра Первого, который вы много раз читали, о том, что подчинённый перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый...

Как ни пытайся отшутиться, обойти столь живучие слова в недосказанной фразе, как и в указе императора российского, какими-нибудь елейными, более культурными словами, а значит, покривить душой, в народе-то они вот такими и ходят. И правда в них есть. Знали мы времена, которые сейчас вспоминают как партийные или советские. Правду о них сегодня трудно найти, так же как и тогда. Только разница есть в этом понимании. Не любили правду до девяносто первого года, потому что она часто расходилась с действительностью. А ныне не любят потому, что кому-то выгодно ругать всё прошлое, без оглядки на хорошее, что было. В то же время новые вершители судеб делают собственные бесчисленные ошибки и прячут их за строчками лукавой прессы или на экранах телевизоров. «Вот такая закавыка»,—как сказал однажды новоявленный вождь демократов. А может, псевдодемократов, нет пока общего мнения о нём.

Приходил на ежемесячные совещания к главе района народ не последний. Ему доставалась настоящая работа, и результаты были на виду. Учить, лечить, строить, содержать дороги и кладбища, охранять общественный порядок, содержать пассажирский транспорт в исправном состоянии могли практичные и содержательные люди. Среди них не редкостью были мудрые, опытные руководители, которые насквозь видели и чувствовали фальшь и лукавство в действиях тех, кто стоял повыше, и в первую очередь—главы района. Зорко следили за его действиями. Особенно ревностно ловили крылатые фразы, подобные «собачьему

хвосту». Главное — не показать начальнику, что ты умнее его. Иначе — смерть. Слышали о законе Мёрфи? Нет? Но наверняка знаете о законе бутерброда. Необъяснимым способом и вопреки ожиданиям владельца он почти всегда падает вкусной стороной на пол. Неосторожный начальник когда-то «уронит» свой «бутерброд», и тогда... Умные выжидали, когда он «торжественно» и вроде как «добровольно» передаст своё кресло преемнику. Автору надо извиниться перед читателем, прежде чем перейти к заключительному абзацу главы. Причина в том, что в ней, казалось, вопреки здравому смыслу, окажется сюжет фантастический. Но мы же знаем, что фантастика помогает нам видеть будущее и ярче осознать суть настоящего.

Итак, заглянем на минутку в кабинет или приёмную уже опального руководителя. Посетители приёмной в ожидании начальника коммунального управления сидели тихо. Каждый думал о чём-то своём. Секретарша что-то печатала на компьютере, изредка переключив бумагу из одной стопки в другую и наоборот. Перед ней стояла красивая чашечка с кофе, аромат которого заметно щекотал ноздри исполнителей, ожидавших в приёмной своего начальника. «Королева» приёмной маленькими глоточками, чуть вытянув вперёд напомаженные губки, изредка отпивала очередную порцию кофе. Её перламутровые удлинённые ноготки бисером отражались в глазах притомившихся посетителей. — Леночка, когда же придёт начальник? Мне срочно надо подписать заявку на трубы, у меня бригада устраняет аварию, — спросил нетерпеливо известный своим авторитетом и решимостью начальник участка.

— Не волнуйтесь, Антон Васильевич, Степан Андреевич скоро придёт, новый глава планёрки проводит быстро! — уверенно ответила секретарь Елена, продолжая стучать по клавиатуре компьютера.

Вдруг послышался едва уловимый звук, похожий на завинчивание шурупа в металлическую пластину: «Ж-ж-жи-и-и! Ж-ж-жи-и-и!» И так — четыре раза. Все приподняли головы в сторону двери начальника и в ужасе заметили, что действительно звук издавали стальные с медным напылением шурупы, сами выворачиваясь из бронзовой таблички с именем и фамилией начальника управления. Люди оцепенели. Быстро свинтившись и упав на пол, четыре шурупа построились в форме каре, положили на свои шляпки табличку и побежали к двери, неестественным образом толкнули её вовне и выбежали в коридор.

В это время дежурная главного административного здания района поднесла кружечку чая к губам. С её верхней грани свисал на ниточке от пакетика бумажный квадратик с надписью «Lipton». Дверь в вестибюль чуть приоткрылась, и что-то блеснуло на полу. Она увидела бронзовую

табличку на шляпках шурупов, чем-то напоминавшую плоскую рыбу камбалу, плывущую к лестнице на второй этаж. Кружка выпала из её рук, и чай растёкся по открытому листу журнала дежурного. В это время по лестнице спускался красный от гнева и взъерошенный начальник коммунального управления Степан Андреевич Петров. Он увидел табличку с его собственной фамилией и рухнул на ступени.

Читатель, ты поверил в подобную чушь? Наверняка чуть-чуть засомневался. Но не совсем. И причина тому была. Помните газету «Правда»? Ей тоже верили и не верили, так и привыкли, по инерции. Потому не беда, если и ты вдруг поверил. И сразу хочу успокоить всех, кто подумал, что я начинаю подражать произведению Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Вы убедитесь, что каждый автор видит нашу жизнь по-своему.

Ах, какая цаца!

— Ах, какая цаца! — вскричал глава районной администрации, когда возбуждённые чиновники его аппарата бесшумно короткой согбенной шеренгой втекли в кабинет и сообщили о случившемся. — Кто мне его рекомендовал? У нас что, не было достойных кандидатур? Наши люди в любой ситуации должны «держаться лица», играть как надо свою роль.

Вам покажутся эти и другие резкие слова грубостью главы. Заметим: это не совсем так. В общении с народом он проявлял внутреннюю сдержанность. Как видим, это качество не было постоянством его природы, случались срывы, особенно внезапные и резкие, если перед его глазами оказывались незащищённые простые люди из числа подчинённых, чем-то поколебавшие амбиции. Негромкая, в целом логичная речь главного начальника района перед большим собранием привлекала внимание слушателей и воспринималась в пользу оратора. Не будем спешить с его портретом. Постепенно мы обрисовываем характер и манеры поведения главного начальника района с разных позиций в условиях его бурной деятельности.

В районный центр, город Приреченск, Георгий Георгиевич Зарубнин прибыл по рекомендации областной администрации, в связи с сокращением его должности в правительстве по воле очередного губернатора. Какой только большой руководитель не начинал осваивать высокую ступень в своей карьере с сокращения штатов? Последний генсек, потом президенты Российского государства, а вслед за ними и первые руководители регионов после выборов или назначения на высокую должность тотчас издавали указы о сокращении руководящих кадров как минимум на двадцать процентов. Чем не «конфетка» в красивой обёртке оставшимся и обиженным в заработной плате людям для внушения им приятной мысли, что

скорю за счёт экономики они получат свою дополнительную долю? Но народ к этому относился спокойно, так как точно знал, что через полгода или год штаты не только восстановят, но и прибавят к тому, вместе с новыми надуманными функциями, и физических лиц. Здания и кабинеты, в которых раньше на разных этажах уживались руководители единственной в стране партии, Советов депутатов трудящихся и комсомола, быстро стали заполнять представителями законодательной или представительной власти под руководством другой, но тоже правящей партии. Конечно, одного здания не хватало. Благо, что от развалившихся предприятий остались корпуса управлений и вспомогательных служб, которые тут же заселялись более умными и проворными кадрами. Новый глава района не нарушил традицию и начал свой трудный путь во власти с сокращения возросших в непомерном количестве кадров. Но об этом чуть позже. Лучше взглянем на него чисто внешне, для знакомства, чтобы не спутать с подчинёнными кадрами, копирующими уютливо внешность и привычки своих начальников, как это мы видим с экранов телевизоров.

Георгий Георгиевич был роста выше среднего, статный, спортивного телосложения, с прямыми, как ходули, ногами и сдержанными руками. Его руки не крутились виртуозно перед глазами, а ждали особого сигнала хозяина, чтобы подчеркнуть важность мысли. Это редкое явление для выступающих перед множеством слушателей. Причёска была простая — «канадка». Давно уже не модная, какую носили в разное время люди, занятые в трудовых коллективах, не испорченные чиновным окружением или творческими изысками; спортсмены, студенты. Тёмно-русые волосы, подстриженные под короткую мальчишескую чёлку, падали на лоб, который он не имел привычки морщить даже при затруднении в мыслях. Они напоминали разрозненные ручейки, падающие с небольшого холма. Пиджачок тоже особо не привлекал внимания, если только не оценивать его изношенность и чуть заниженный размер. Короче, сорокалетний глава больше походил на простого энергичного человека, скорее мастера цеха, и вызывал внутреннюю улыбку только у прожжённых холёных чиновников засидевшегося аппарата муниципальной власти.

Мы ещё успеем поговорить о его достоинствах, и меняющемся внешне виде, а пока послушаем верного помощника — Руслана Сергеевича. Почему мы подумали, что «верного»? Просто потому, что шеф привёз его с собой, не скрывал этого и сразу у всех на виду начал заботиться о его активном участии в делах администрации и районного совета депутатов. Заметим, что главное действие власти вершилось не на улицах и в больших аудиториях, а в кабинетной тиши, в общении с близкими

подчинёнными. Здесь первый административный герой показывал своё настоящее лицо.

Когда из кабинета главы района вышел последний приглашённый сотрудник администрации, его хозяин выключил половину неоновых ламп, снял пиджак и пригласил сесть своего помощника за маленький приставной столик. Делал он это энергично, будто не заканчивал, а только начинал рабочий день.

— Георгий Георгиевич, — первым начал разговор молодой помощник, как бы отвечая на ранее заданный главой вопрос, — да ими здесь пруд пруди, этими управленцами. Только надо своих ставить.

Он придвинул ближе к столику свой стул, поправил галстук и оперся локтями на столешницу. Не спуская глаз с начальника, открыл толстый рабочий блокнот.

— Наш бывший завхоз из клуба, где мы когда-то работали, может любое управление возглавить, давайте его пригласим. Здесь он обеспечит работу под вашим руководством, всё будет как надо, — продолжил он.

— Нет, я уже справлялся о нём, говорят, уехал в родную Землю, все почему-то зовут её обетованной. Красиво, конечно! От Моисея пошло! Может, там наш завхоз и найдёт рай, пожелаем ему успеха. Поищи другого, нашего. Не тяни.

Думаю, пора обратить большее внимание на молодого человека, сидевшего напротив хозяина в главном кабинете администрации. Он был глубоко погружён в свой блокнот, куда скрупулёзно записывал все указания и «мудрые мысли» руководителя. Помощника звали Руслан Сергеевич, а фамилия его звучала так: Заружнин. Эта фамилия вам кого-то напоминает? И правда, есть небольшая схожесть с именем первого лица. Но это даже хорошо для гармонии в отношениях двух понимающих друг друга руководителей, да и более крепкой памяти подчинённых. Только не думайте, что они находятся в каком-то родстве.

— Георгий Георгиевич, пожалуйста, скажите: мне записать ваше указание — найти быстро кандидата из своих на должность начальника управления?

Глава многозначительно помолчал, опустил крышку своего планшета, потом махнул рукой так неопределённо, что из этого нельзя было сделать вывод, одобрителен ли то жест или отрицательный. Скорее всего, из серии: «Сам догадайся!»

Читатель наверняка не понял из разговора главы и его верного «оруженосца», что означала фраза «из своих». Можно предположить, что это значило пригласить друзей и родственников из соседнего региона, где закреплял свою карьеру глава годом раньше.

— Да, запиши, неделя сроку!

Помощник быстро исполнил указание своего шефа и как-то так осторожно закрыл блокнот. Не зря он понимал своего начальника с полуслова,

но обязательно и подчеркнито вежливо уточнял его позицию. И при этом проникновенно, не мигая, смотрел в его глаза. В этой связи в памяти автора навязчиво всплывает юный Чичиков в начале его биографии — ученик городского училища (читай — школы), помните, тот, который «постигнул дух начальника (своего учителя) и в чём должно состоять поведение». Что у Руслана Сергеевича на уме, какие планы на пользу района он вынашивает, можно ли от него ожидать поддержки в сложной ситуации, трудно было понять. Надо подождать, посмотреть, послушать, вникнуть в смысл его собственных слов и позиции. А мы наверняка такую ошибку обнаружим.

Сам-то он был таким же «назначенцем» по принципу «свой человек». Не будем плутать по лабиринтам короткой биографии Руслана Сергеевича, продолжим изучать его служебный путь с того дня, когда он вместе с новой главой района впервые появился в здании администрации районного центра, города Приреченска. Это было совершенно неизвестный для него город и сам район. Конечно, все кабинеты ещё оставались занятыми незнакомыми ему чиновниками прежней администрации.

Скрытый в сопках

Предлагаю читателю взглянуть на главный город района, чтобы легче было понять, куда попали наши «герои», что их ожидает, и сделать посильный прогноз будущего успеха или... Сами понимаете, об «или» говорить пока рано. Пожелаем удачи высоким руководителям, взвалившим на плечи немалый груз руководства районом. Может, не зря они рискнули так уверенно заявить о себе на незнакомом месте, где рождаются судьбоносные планы и принимаются важные решения.

Центральный город района, который они решили покорить своей командой, по статистике числился в числе малых. Да и не мог он успеть за полстолетия стать большим. Строили его почти на пустом месте, на самой окраине района, где приютились два небольших селения: одно — с историей в три с лишним столетия, другое — почти ровесник века. Убогое селение, что было намного моложе первого, появилось в тяжёлые двадцатые годы на краю густой и болотистой тайги. Сюда пришла «Коммуна», чтобы выстроить село, вспахать заросшую дикими травами и мелколесьем землю и спастись от голода. В самый разгар «холодной войны» правительство решило построить здесь оборонный завод. Мы назовём его главным предприятием. С северной и западной стороны город и завод прикрывали сопки, на юго-востоке, вырвавшись из глубокой долины и от берегов быстрой горной реки, простиралась ровная лесостепная зона. В этой неширокой долине у реки и прятался от зловредных недавних «союзников» завод

вместе с новым городом. Население города было особенное. На предприятия приглашали работать профессионалов с высшим и средне-специальным образованием. Школы, детские дошкольные и спортивные учреждения тоже приняли много образованных специалистов — умных, культурных, деятельных, и к тому же отчасти романтиков. Местные власти — партийные, советские, комсомольские — вместе с профсоюзными организациями, директором завода (главного предприятия) и вспомогательными учреждениями ревностно занимались развитием культуры, общего и внешкольного образования, спорта, заботились о благоустройстве города и его художественном облике. Да и правительство активно помогало создать передовое предприятие и современный город. Денег на это не жалели. Романтики сочиняли стихи, пели песни, спорили, ходили в походы и мечтали о будущем. Поэт, родившийся и выросший в этом городе, позже писал:

Было многим в ту пору по двадцать,
И хотелось любить и мечтать!

Так образовалась высокая и разносторонняя культурная и духовная среда. Талантливые самодеятельные артисты, певцы, танцоры, поэты и писатели, художники получали реальную поддержку властей. Город и весь район гордились их достижениями в области и стране. Район получал свои выгоды от города. Он развивался, снабжал население продуктами самого высокого качества.

Своим «высоким полётом» город был обязан во многом первооснователям и незаурядным личностям. Это были особые люди, закалённые войной, возвращением к жизни разрушенных городов и заводов, целеустремлённые, волевые и образованные руководители, с огнём в душах и творческим складом мысли. Таких людей называют мечтателями. Но в деятельной жизни они были суровыми практиками, опытными и мужественными руководителями. Эти люди принимали зачастую рискованные решения, преодолевали формальные и физические препятствия, умели доказать свою правоту на самом высоком уровне. Это было совсем не просто, а чаще всего — опасно. Много таких, кто был с огоньком в душе, поплатилось жизнью. Если вспомнить тревожную действительность послевоенных лет и жёсткую внутреннюю политику партии и правительства, то можно смело назвать это героизмом, настоящей гражданской позицией. И в то же время руководители показывали пример исполнительности и дисциплины своим подчинённым. Это было особое время, жёсткое, суровое, и люди были особенные. Как первый директор главного предприятия, так и его преемник до этого работали над созданием грозного оружия. Первый в своих воспоминаниях рассказал, как он подбирал кадры на строящийся

объект. Генерал инженерно-технических войск, он во время войны работал секретарём Военно-промышленной комиссии, был и заместителем секретаря Комитета обороны, одним из активных создателей новой отрасли промышленности, которая спасёт и страну, и мир от ядерной войны. Высокие звания и должности не отразились на его скромном интеллигентном характере с творческим отношением к работе и в целом — к жизни. Он видел новый город совсем не похожим на другие города. Вместе с товарищами и коллегами ему удалось заложить его основы, близкие к мечте. Какие качества специалистов были важны для него? Читаем воспоминания:

«В главе мне предложили кандидатуру главного инженера на завод. Я встретился с этим человеком и спросил его: „С чего бы вы думали начать свою работу у нас?“ Он, не задумываясь, ответил: „С создания библиотеки!“ Я сразу согласился и взял его. Действительно, начало строительства завода на пустом месте требовало обширных знаний, как в технической области, так и по части культуры. Мы всё сделали вместе. И создали библиотеку, и картинную галерею, и первое телевизионное вещание. И город начали строить по собственному замыслу, преодолев официальные решения сверху».

Ошибкам многих больших руководителей, пусть будет уровень города, области или в целом государства, которую они не осознают или относятся к этому с иронией, бывает отсутствие мечты. Именно она даёт крылья. Повседневное преодоление возникающих проблем, вечный бег в сторону выполнения планов, «тушение пожаров» уведат многих от самого главного — перспективы в жизни и работе. А может, мечта, наоборот, мешает работе, трезвой оценке ситуации, принятию жёстких, но необходимых решений? Может, автор ошибается, ставя их в пример, уходит от суровой действительности и вводит в заблуждение читателей? Зачем читать такие книги? Что он может сказать в своё оправдание? Только одно: проверено на практике!

Преемник первого директора, обеспечив пуск мощностей завода, с вдохновением работал над развитием города. Это был настоящий опытный руководитель, хозяин, чувствующий все возможные достоинства и вероятные опасности городского организма. Одна фигура уже говорила о многом. Невысокого роста, полный, с массивной головой без волос, он весомо, не торопясь, поглаживая верх левого запястья правой рукой, мягким басом объяснял свою точку зрения депутатам районного совета. Как-то на сессии «бушевал», обращая свой гнев на городскую исполнительную власть:

— Вы что, хотите затопить через пять лет город фекалиями? Почему вы не проектируете вторую нитку канализации? Кто это делает за вас?

Директор главного предприятия был председателем государственной комиссии по приёмке

сдаваемых строителями объектов. Строители дважды вели следил за каждым его шагом, когда он осматривал новый жилой дом или социально-бытовой объект.

— Вы как поставили форточки? Их не открыть и не закрыть! Как молодая хозяйка будет проветривать комнату? Почему эта батарея греет наполовину? Что, после вас сюда сразу надо вызывать слесарей?

Обязательным условием строителям он ставил благоустройство придомовой территории. Обязал на каждый объект завозить чернозём и высаживать траву. Это было ново в те годы. Городские власти в дальнейшем старались его взглядом оценивать состояние территории и вовремя устранять возникшие при эксплуатации недостатки. Так рождался европейский облик города. Это была осуществлённая мечта директора, выходца из простой крестьянской семьи.

Была в истории города ещё одна нестандартная личность. Этот человек два десятилетия возглавлял ту самую районную власть, которую называли «руководящей и направляющей» силой. Первый секретарь районного комитета партии явил пример того, как можно, не зарываясь в партийные брошюры и газеты, реально поднимать культуру и духовность в городе. Его упрекли: «Зачем вы строите зверуголок? Будете у населения отрывать продукты для корма животных». Он отвечал: «Продукты мы возьмём из отходов мясокомбината, что-то получим из местных садоводств и совхоза, а вот животные помогут нам воспитывать детей в любви к природе. Дети не будут жестоки к ним, да и в отношении друг к другу тоже станут более милосердными, это как-то повлияет на снижение правонарушений». — «А художественная галерея зачем в таком маленьком городе?» — «Улучшим эстетическое воспитание и школьников, и взрослых. Представьте, к нам будут приезжать знаменитые художники, открывать выставки. Кто ни разу не был в столичных музеях, получит доступ к картинам на месте. Художественная школа расширит доступ детей к реальным произведениям, а не только к репродукциям, наши художники обретут новый стимул для работы...»

Разве не мечтателем был этот партийный руководитель? «Отцы» города и района не поучали молодых специалистов и начинающих руководителей, не указывали по мелочам, что и как надо делать. Они своей работой, умом, опытом показывали тот жизненный коренной пример, который помогал подчинённым людям в ответственной вертикали власти ориентироваться в любой сложной ситуации.

Город получал всё новые культурные центры. Без громких слов воспитывался патриотизм, горожанам это нравилось, и они скучали по городу, когда уезжали надолго. Много сменилось больших и малых руководителей. Одних забыли сразу после

ухода, других вспоминали по обязанности. Но след в памяти оставили те немногие, кто обладал личными достоинствами намного большими, чем «соответствие занимаемой должности», чей кругозор и свойства души делали людей счастливей.

Особые качества горожан и поднимающегося района в целом вызвали некоторую ревность в области. Политики и хозяйственные руководители помогали развитию района и нового города, но при случае напоминали, что другие города живут скромнее, в области не хватает средств обеспечить такой же уровень жизни, как здесь. Как-то секретарь обкома партии на заседании бюро при утверждении кандидатуры одного из руководителей района на новую должность возмущался: «Что вы там творите? Зачем поставили бронзовую скульптуру коней? Говорите, что это символ наших рек, и построили фонтан прямо на берегу одной из них? Реки сами за себя говорят что надо. Денег много? Думайте, как прокормить население». На что приглашённый кандидат на должность скромно напомнил: «Не хлебом единым жив человек!» — чем вызвал гнев «руководящего и направляющего».

Тот же набор названий улиц, что и в каждом городе, типовые дома, политические плакаты и лозунги, скромная одежда, суровые и деловые лица прохожих требовали дуновения живого, освежающего воздуха, нового настроения душ на радостные и счастливые мечты, на реальные перемены к лучшему. Жизнь просила более ощутимого всеобщего счастья. Это чувствовали руководители района и делали что могли в жёстких рамках законов и правил, финансовой дисциплины, порой осмысленно нарушая их.

Уже не гости

И вот в такую среду попадают наши герои, только понаслышке знающие о ней, ревниво настроенные, с мыслями о карьере и критическим отношением к руководящей «верхушке», то есть к бывшим в составе администрации района руководителям. Даже мелкие упущения их предшественников, о которых они узнавали, вызывали резкую реакцию, уничижительные отзывы и шутки, желание показать новый, современный уровень руководства. Словом, это был не родной город и район, и строить с «выскачками» от «бывших» отношения объективно не получится. Скорее мысль о «пасынке» закрепится в их сознании.

Население района не менее критично и острожно встретило новых хозяев. «Лучше бы им оставаться в роли гостей», — говорили люди.

Как можно обуздать строптивых и амбициозных горожан? Такой опыт был и обкатывался не единожды ретивыми чиновниками области. Заметим, своеобразный опыт. Пробовали «на зуб» по-всякому. Порой наскаками. Приедут,

посмотрят, что-то попытаются проверить, почувствуют силу, отойдут, поразмыслят на досуге, поищут сторонников. Снова «наскочат» — опять без результата. Сценка рисовалась вроде «моськи и слона». Сравнение со слонем — не случайно. Главное предприятие свободно мерялось мощью и важностью своей продукции с мировыми соперниками — считай, конкурентами. Защищала его сама столица, если точнее — отраслевое могучее министерство. Может, это надо было знать новой команде, что-то понять из опыта районной власти, ближе посмотреть на людей, проникнуться проблемами не насकोком, а со вниманием и уважением? Мудрые руководители обычно становятся на сторону опытных ведущих профессионалов и активной части населения, накапливая собственный опыт. Но у наших героев времени не было. Так сложилось. Не лучшие чувства пробуждали в них собственные проблемы. Поэтому они посчитали, что самым верным методом будет быстрый и жёсткий захват «мирной» территории, показ местным «совкам», кто в доме хозяин. Благом для них было новое, ещё не понятное многим время. Руководителей высокого уровня назначали совсем по другим деловым качествам и свойствам души, чем четверть века назад, когда моральный кодекс ещё что-то значил.

Напомню читателю, что областные власти «выбросили» в строптивый район собственный десант управленцев. Они поставили к «рулю» свою «надёжную» команду. Эта команда, не обременённая «ненужной» памятью и знанием людей, с первых дней «взяла быка за рога». Действовала напористо, уверенно, быстро начала убирать тех, кто ей мешает, не проявляет «уважения» и много рассуждает. Всем дали понять, что подчиняться надо только одному человеку — главе района. Команда не могла сама проявить такую инициативу, рискуя демократическими принципами. Как оно обернётся к ней самой? Значит, это воля лично главы. Но откуда у него такая уверенность в собственных силах и способности справиться с «умным» населением? Может, его кто-то ведёт, боится конфликтное поведение? Если «поводырь» находится на уровне руководителя области, всё равно опасно. Не может же он постоянно стоять за его спиной. Значит, другая сила. Мне просто неудобно называть её, повторять классические персонажи. Только понятно, что она, эта сила, уже внутри него и владеет безраздельно его душой.

Читатель может посчитать слова автора излишне категоричными, предвзятыми, заранее нацеленными на негативное восприятие новых управленцев. Нет, напротив, он хотел, чтобы у команды всё получилось, ведь автор — тоже активный старожил района, болеет за него и за свой молодой город. Люди доверчиво голосовали за неизвестного человека, полагали, что он «слуга

народа» и будет делать всё на пользу населению. Автору оставалось только помогать новой власти, где это возможно. В этом мы убедимся дальше. Будем считать его незримым участником событий, не путая с главными героями, когда он в тексте будет употреблять местоимение «я». А пока продолжим знакомиться с самым близким человеком главы района, возможно, его воспитанником и другом, который был записан в штатном расписании администрации как «помощник».

Молодой симпатичный, человек, с чёрными густыми волосами, аккуратно причёсанными, с ровным подбором, широкими плечами, внимательным взглядом карих глаз, в меру энергичный, он шёл безмолвной тенью своего покровителя на инаугурацию. Его добротный костюм и внешний облик были олицетворением готового к чиновным подвигам деятеля администрации района. Руслан Сергеевич заметно отличался от своего наставника и покровителя более современным внешним видом. Внимательные люди, окружавшие его по работе, могли подумать, что он до этого занимал какую-то, может, небольшую, но ответственную должность и был под влиянием обеспеченных материально родителей.

Полагаю излишним дальше рисовать портрет нового человека. Будем по ходу повествования знакомиться с ним. А пока вспомним пословицу: «Встречают по одежке, провожают — по делам». Признаемся, автор виноват перед читателями. Взял сразу с места в карьер. А почему не рассказал, как молодой глава начал свою деятельность на новом рабочем месте? Надо исправить эту ошибку и вернуться к инаугурации. С неё же начинается законная деятельность избранного начальника района. Извиняюсь за слово «инаугурация», похожее на российское ругательство, но замечу, что не только во времена перестройки, но раньше ещё, от Петра Великого, на Руси стало появляться много непонятных слов. Не будем так далеко заглядывать в историю, понятно, что мы её толком и не знаем, а вспомним уже наши времена, когда в русскую речь стали проникать такие «умные» слова, как «сникерс», «месседж», «интерактив», «слоган», «драйв», «тренд», «креатив», «кластер» и многие другие вместе с упомянутой «инаугурацией». Больше всего попадает в наши глаза и уши словесный модерн с экрана телевизора. Ведь он не умолкает круглые сутки, да ещё через множество программ и каналов. Приведу свежий пример. Только что показали сюжет: молодая женщина гуляет с собакой; замечу в вину хозяйке, что она освободила её от поводка и шла, задумавшись, впереди неё на расстоянии десятка шагов. Золотистые листья берёз медленно падали с белоствольных деревьев и ложились приятным шелестящим ковром под ноги. Умный был пёс, лабрадор-ретривер. Добрый и преданный хозяйке.

Он держал дистанцию и не отвлекался на собачек женского пола. Вдруг остановился иномарка, открылась форточка, и раздался выстрел. Окровавленный пёс упал на дорожку. Кровь окрасила бурыми пятнами золотой покров. Комментируя эту трагическую сценку, журналист, наверняка с университетским дипломом и перестроечным воспитанием, несколько раз повторил одно и то же слово: «догхантер», «догхантер». Учите, друзья, английский, а то так и не поймёте, кто же стрелял в собаку. Тем, кто читал Тургенева и Аксакова, по душе останется русское слово «охотник», который стреляет не в домашних собак, а в зайцев или водоплавающую птицу. К счастью, мирного пёсика помогли выходить хорошие люди.

Компьютер дал возможность ленивым студентам не читать произведения классиков полностью, а только в сокращённом виде, без всяких там красот и рассуждений. Может, не случайно, получив дипломы, они смело называют друг друга ньюсмейкерами, подростков у заборов — тинейджерами, а свои путанные мысли — парадигмой осознанного состояния душевных поисков.

Вникая в смысл новых понятий, я подумал: а что же пишу? Как определить по-современному вот этот жанр, которым излагаю своё повествование? Повесть и роман устарели, под поэму, как у Гоголя, и близко не подходит. Может, нарратив? Модно и современно! И слово-то какое! Сразу не поймёшь, надо заглянуть в словарь или интернет. И пришёл к выводу, дорогой читатель: это нарратив! Подобная форма повествования близка саге, что мною уже было использовано в предыдущей книге. Если бы это была обычная повесть или роман, то художественные приёмы автора быстро бы оттолкнули продвинутого молодого читателя, которому стала доступна литература в сокращённом до предела варианте. Ведь можно в метр с дисплея айфона за пятнадцать минут пробежать «Войну и мир» или любовные романы Анны Шульгиной. Вездесущие критики от «умной» части журналистов могут обвинить автора в излишней публицистичности текста, эстеты — в недостатке художественности. Потому я и прячусь за непонятное слово «нарратив», чтобы сгладить недостатки того и другого. Предлагаемый читателю жанр позволяет некоторые вольности автору. Но держит нас прошлое, понятное и доброе. Может, всё же это роман? Нет, конечно, это нарратив! Если сказать проще — повествование. Автор пытается развивать причинно-следственные связи, приглашает читателя увидеть, как в мыслях или поведении героев закладывается зерно их будущего.

Наверное, словесное извержение, извините, поток иностранных слов хлынул нам в уши и перешёл в уста из распахнутого первым президентом тогда ещё большой страны «железного занавеса»? Свой «посылный» вклад наверняка внёс и второй

президент, но уже скоуженого почти до предела Руси времён Бориса Годунова государства с новым-старым и гордым названием. Он вообще убрал все «занавеси». Помните этого президента? Того, что был с «широкой душой»? Он ещё плясал под «дудку» «главного» президента планеты. Наверняка помните! Некоторые «сознательные» граждане и их дети вскоре начали изучать английский язык и предпочли бы вообще на нём общаться, как русские аристократы в восемнадцатом—девятнадцатом веках говорили исключительно на французском. Однако классовая ограниченность и общая, пока невысокая, образованность населения притормозили этот исторический процесс.

Инаугурация нового главы

Инаугурация проходила в конференц-зале здания администрации по специальному сценарию. В первом ряду сидел директор главного предприятия. Это был руководитель, назначенный госкорпорацией несколько лет назад, после ухода своего решительного и властного предшественника. Он отличался от того заметной интеллигентностью и более добрым нравом. Начало его работы на этом высоком месте показало работникам главного предприятия и особенно администрации района, что у него нет амбициозных намерений бороться за своё верховенство в районной иерархии. Не было видно и его непререкаемой активности в выдвижении своих представителей на должность главы района.

Это, однако, не исключало стремления обеспечить большинство своих представителей в районном совете депутатов. Такое обстоятельство как-то успокаивало чиновный люд, политически активных членов партий и участников движений. Справа от него сидели заместитель председателя областного Законодательного собрания, член правительства, не известный никому по причине кадровой чехарды, и заместитель начальника общего отдела, который занимался организацией выдвижения на должность виновника настоящего торжества. Здесь же был и бывший глава района. По его озабоченному виду можно было предположить, что непросто будет выступить перед своими коллегами и сотрудниками с напутствиями избранному сменщику. В зале, томимые ожиданием важного действия, сидели депутаты районного совета, служащие администрации, руководители предприятий и общественных организаций. Бывший заместитель главы района Алексей Васильевич Громов и несколько его коллег занимали места во втором ряду. Для них было важно слышать из первых уст, какие слова избранный глава района произнесёт перед народом и какие даст обещания. Это закладывалось в память на будущее.

Зал притих в ожидании. Но видно было, что кто-то шептался со своим соседом, боясь привлечь

внимательные организаторов мероприятия, кто-то отвлечённо смотрел на авансцену и наблюдал, как ведущий сценария готовит микрофон и порой спускается к первому ряду посоветоваться, что-то спросить у важных гостей.

Все ещё помнили помпезную инаугурацию второго в истории района главы, сменившего первого мэра, должность которого в девяностые годы правительство переименовало в главу района.—Василия Григорьевича Коваленко. Тот кандидат на пост главы района был предложен прежним директором главного предприятия, спорить с которым никто не решался. Слово «предложен»—скорее, от лукавого. На деле это было беспрекословное решение директора. То был «красно-белый директор» с особым характером. Скорее, не врождённым, а приобретённым в изнурительной борьбе за сохранение предприятия в девяностые годы. Кто только не пытался стать хозяином этого предприятия. В областной центр прилетал даже близкий к первому российскому президенту одиозный предпринимчивый деятель. Ему удалось прибрать к рукам несколько заводов и часть нефтегазовой отрасли. Борьба с ним дирекции завода, или противостояние местных руководителей, представляла большую опасность и для предприятия, и для самого директора. Но директор завода, вопреки всему, с помощью той же столицы укрепил позиции главного предприятия и без особых потерь вступил в рыночную экономику.

Та первая инаугурация, больше похожая на празднование Дня района, проходила в просторном зале торжественных мероприятий Дворца культуры Приреченска, при трёхстах участниках. Были установлены длинные столы. Их сервировали по всем правилам ресторанного искусства специалисты известных в районе заведений подобного рода. Называлось это фуршетом. Гости стоя с интересом разглядывали деликатесы и этикетки отборных спиртных напитков, тихо делились впечатлениями от увиденного и нетерпеливо ожидали начала мероприятия. Было видно, что обилие закусок и напитков превышает сам смысл этого названия. Такая подчёркнутая помпезность влияла на поведение приглашённых участников инаугурации, они стояли тихо, порой близко друг к другу, шёпотом комментируя событие. Председатель совета ветеранов, заслуженный пенсионер, наклоняясь к соседу, бывшему председателю крупной профсоюзной организации, тихо спросил:

—Послушай, Анатолий Михайлович, наверное, дорого всё это стоит?

—Думаю, что немало.

—Интересно, за чьи деньги этот подарок?

—Как за чьи? Понятно, что директор главного предприятия оплатил.

—А его самого я что-то не вижу,—продолжал ветеран.

— Не царское это дело — стоять за столом с такой толпой, наверняка у них будет ещё встреча в банкетном зале ресторана.

— Лучше бы они подарок ветеранам завода сделали...

Через мощные звуковые колонки проиграли государственный гимн. Выступил представитель Законодательного собрания области:

— Уважаемый Владислав Арсеньевич (директор завода), уважаемый Сергей Валерьевич (председатель районного совета депутатов), уважаемый Владимир Васильевич (избранный глава района), уважаемые дамы и господа! Во-первых, разрешите поздравить от имени Законодательного собрания и правительства области Владимира Васильевича с избранием на должность главы района и пожелать ему успехов. Я уверен, что дирекция главного предприятия и трудовой коллектив, районный совет депутатов и лично Владимир Васильевич, сохраняя лучшие традиции завода и в целом района, дадут новый импульс в их развитии и процветании. Ваш район является опорным звеном в экономике области, а ваши руководители всегда показывали пример передового хозяйствования и правильного выбора программ социального развития. Особая благодарность от областного Законодательного собрания и правительства Владислава Арсеньевичу за его вклад в поддержку района.

Представитель областного парламента говорил ещё много лестных слов в адрес директора завода — передового предприятия и вновь пожелал избранному главе района «творческих успехов», а району — выйти «на новый уровень развития».

Виновник торжества стоял прямо, чуть откинув назад голову с редкими крашеными волосами. Его глаза горели, излучали в потолок зала нахлынувшее чувство радости от столь желаемого достижения высокого поста, административного верховенства над всеми молчавшими перед сервированными столами участниками торжества. Участники же знакового события понимали, что это не их будущий руководитель, а исполнитель воли другого влиятельного лица — своего бывшего директора, и что этот тандем не принесёт им радости от общения.

Глава произнёс клятву, и на его плечи и шею ведущий торжества повесил гирлянду главного символа власти. Никто не мог различить, что изображено на блестящих чеканных рельефах каждого элемента, но в целом эта тяжёлая цепь символизировала верховенство её обладателя в районной иерархии. Отныне он стал законным главой Приреченского района на ближайшие четыре года.

Справедливости ради надо заметить, что данная кандидатура на пост главы в большей степени была подготовлена к такой работе, чем другие вероятные персоны, если подходить к критериям формально по схеме: какие посты занимал до

этого, какую общественную работу выполнял и не понаслышке ли знает о проблемах местного совета депутатов. Оказалось, что главным для него стал не тот богатый опыт административной и общественной деятельности, а та школа, которую на протяжении двадцати лет давал ему директор своим поведением и отношением к подчинённым сотрудникам и специалистам: властолюбие, прямолинейность выражений с ненормативными переборами, напористость без особого внимания к личностям и их достоинствам.

Всего через четыре года после вступления в должность первый ставленник главного предприятия бесславно покинул пост. Завершив свой законный срок руководства районом, написал заявление об уходе и его преемник. В районе задумались: кто же сменит ушедших двух глав? На политическом фоне не было готовой кандидатуры. Иссяк источник из среды активистов партии и комсомола, советских профсоюзов. Четверть века назад эти организации исчезли с политического поля, а лидеры новых партий, озабоченные укреплением своих личных позиций, занимались воспитанием молодёжи бессистемно, без ясной цели и программы. Так образовался кадровый вакуум. В местные советы стали направлять технических работников с предприятий, учителей, спортсменов, не прошедших жизненную и теоретическую школу общественной работы. И некому было преподавать ту науку и умение работы с людьми, которые необходимы муниципальному или государственному чиновнику и депутату. Поэтому район доверился компетентности областной власти и согласился на включение в списки кандидатов на должность главы района представителя от их структуры.

Инаугурации на очереди

В здании администрации на этой инаугурации всё было во много раз скромнее, даже ничтожно скромно. Громов, повернув голову в сторону зала, видел знакомые, ставшие почти родными, лица бывших коллег, сотрудников его служб и управлений. На некоторых из них он уловил растерянность, на других — безразличие к происходящему, как бы говорящее: дано задание всем здесь быть, вот и сидим, ожидаем, что будет. Новый глава вызывал интерес у присутствующих только потому, что он был незнакомым человеком в районе, которого сейчас наделят высокими полномочиями. Как он ими распорядится, покажут работа и время. Два его предшественника не смогли оживить экологию, заметно упала культура, исполнительская дисциплина на муниципальных предприятиях. Город и район стали больше походить на добротный, но запущенный сад.

За спиной Громова сидели два руководителя муниципальных предприятий и о чём-то тихо говорили друг другу.

— Ты можешь сказать, что доброго сделали два бывших директорских выдвигенца? Я не слышал ни от своих работников, ни от коллег ни одного уважительного слова о первом. Второй, правда, вёл себя порядочно, старался, но ему не хватило опыта такой работы. Как-то поведёт себя этот приезжий?

Громов заметил в центре зала Алёну Сергеевну, заведующую отделом, которая что-то тихо, сдержанно жестикулируя, говорила соседке по креслу. Он часто обращался к ней при подготовке программ, особенно когда нужно было найти средства на реализацию идеи, которая не была утверждена в планах бюджета. В отличие от многих коллег, Алёна Сергеевна не отвергала с ходу задумку Громова, просила подробнее раскрыть суть вопроса. Она хорошо понимала, что Алексей Васильевич, с его опытом работы и неуёмным характером, всё продумал, предлагает такую новую идею, которая поможет сделать шаг вперёд в развитии образования или культуры района. Она, полистав проект и немного подумав, говорила:

— Трудно вам, Алексей Васильевич, будет убедить депутатов, да и аппарат администрации. Давайте посмотрим вместе, где у нас могут в ближайшее время появиться неиспользованные деньги. Я не уверена, что капвложения в строительство пристройки к школе со спортивным залом и столовой будут в срок освоены. Строители упустили время. Напишем письмо в министерство и попробуем перебросить нужную сумму на это дело.

Громову было приятно работать с умной женщиной.

Сейчас их разделяли время и новый статус Громова. Он видел, что на её губах была ироническая улыбка, которую Алёна Сергеевна периодически обращала к стоявшему у микрофона виновнику торжества, немного растерянному и как бы ищущему опору в зале. Только внимательный и искусный человек, мужчина, мог заметить в глубине её глаз скрытую грусть, давнюю душевную боль, которая делала её немного старше своего возраста, но сохраняла привлекательность и очарование. Они обращали эти черты в строгую классическую форму. Как всегда, её внешность бросалась в глаза не только обликом или новой блузкой, причёской и безукоризненным макияжем — не броским раскрасом, похожим на грим и вызывающим неприятие у мужчин, но выполненным со вкусом. «Заводской» глава как-то делал ей замечание, призывая вести себя немного скромнее. Алёна Сергеевна чувствовала, что его слова — неуверенные, формальные, так, для галочки. Она больше понимала его глаза, скользкие, словно молния, по её гладкой белой шее и той привлекающей мужчин части груди на пике декольте, обращённого к поясу. Он как-то вполне серьёзно на одном из аппаратных совещаний, то глядя в широкий витраж, то бегая глазами по женским лицам, сказал:

— Товарищи женщины, мы не на вечере в честь Восьмого марта, а на работе. И серьёзной работе! Прошу соответствовать своим внешним видом рабочему месту, не смущать посетителей короткими юбками и полуоткрытыми грудями.

Глава, конечно, не замечал мгновенную волну иронических улыбок на лицах подчинённых женщин. Только в душе отметил: «Учить их надо, воспитывать, а то распустились совсем».

Во втором ряду сидела заместитель главы администрации по организационной работе Александра Васильевна Чернова. Четверть века она возглавляла вначале общий отдел, потом, в ходе очередной реорганизации аппарата, её должность повысили до уровня заместителя главы администрации. После короткого десятилетия «разгульной демократии» в управленческие механизмы всего и вся стали вновь проникать бюрократические формы и методы работы. Как могло быть иначе, если страна разрушена экономически и политически? Никакая демократия в таких условиях не выживает. Начиная повторяться уроки коллективизации и индустриализации страны. Контроль, учёт, пригляд, сдержка коллег от «неразумных» действий, доклады начальнику, «невинные» жалобы на коллегу и другой арсенал испытанных действий. Это всё служебные «мелочи». Новой возможностью и более важным стало то, что этот заместитель становился коллегой узкого круга близких по должности к главе района лиц и мог, кроме прямых своих задач, участвовать в решении политических и хозяйственных проблем, которые раньше касались его косвенно. То есть резко возрастал уровень властных полномочий, и возникала почва для существенных разногласий с коллегами на самом высоком уровне.

Опытный взгляд Александры Васильевны ловил каждое мгновение в этом зале: передвижения важных персон, рассадку по соответствующим местам, движения нового главы, его костюм, причёску, чистоту обуви, манеры общения с окружающими сотрудниками и гостями инаугурации. Во взгляде Александры Васильевны не было чиновного почтения, простого любопытства или одобрительных движений. Его можно было сравнить с рентгеном, по негативу которого определяются «болезни», которым подвержен виновник торжества. Она сразу высветила, почувствовала, что эта «болезнь» не потерпит присутствия рядом с ним личности, заражённой бациллой такой же властности, как и он. Весь вопрос был во времени, отведённом на «лечебные процедуры» в аппарате администрации и городском совете.

Алексей Васильевич увидел в зале ещё одну сотрудницу из отдела информатики, Татьяну Скорнякову, рядом со своей коллегой Ириной Петровой. У них Громов прошёл целую школу

достижения компьютерной грамотности. Начали с азав. Делали первые шаги в интернете, первыми стали активно использовать электронную почту, внедряли ещё неведомую дотеле программу «Консультант Плюс». От него она пошла во все отделы. Кругозор и возможности всех сотрудников администрации заметно возросли. В то же время начали общаться по электронной почте с зарубежными друзьями, которых находили взаимно по грантовым программам. Это было необычно для города с оборонным заводом.

Громов вполоборота продолжал смотреть на бывших своих сотрудников в администрации и депутатов, пытался понять, расшифровать их взгляды, короткие реплики друг другу, улыбки или сосредоточенность, безучастность или сопереживание. Все они были разными, каждый в своём мирке. Они когда-то представляли собой коллектив, объединённый общей целью. Сегодня всё изменилось: одних можно ещё было понять, других никакая сила не могла открыть. Он знал одно: это средоточие ответственных людей вершит судьбы большого района и может сделать немного счастливее его граждан — или притупить их активность, лишить мотивации, обратиться в инертную потребительскую массу. Всё зависит от «дирижёра». Захочет ли он использовать их возможности, вызовет желание по зову души брать на себя дополнительную нагрузку, проявлять инициативу или с первых шагов погасит всё это, принуждая делать так, как он пожелает?

Алексей Васильевич искал горящие глаза, ту сосредоточенность мысли, которая не покидает настоящих, ищущих, действенных личностей. Таких он нашёл единицы, но они были, и с ними оставалась надежда на то, что даже при больших потерях в энергии людей огонёк в их душах будет теплиться и вызовет произрастающему чему-то новому, значимому.

Неожиданно вспомнился ещё один эпизод из его «муниципальной» жизни. Однажды к нему в кабинет постучали, и вошла сотрудница одного из отделов. Глаза её были заплаканы, а щёки горели, словно костёр на лесной поляне.

— Алексей Васильевич, извините меня, пожалуйста, я не могу, — взволнованно произнесла она, — мне плохо.

Громов действительно видел по её беспокойным влажным глазам и дрожащим пальцам рук, что у женщины не всё в порядке. Голос её дрожал, причёска была всклокочена, она неестественно взмахивала руками.

— У вас не найдётся немного коньяка? Мне надо успокоиться.

Громов в изумлении смотрел на неё, пытаясь понять смысл сказанного. Такое в официальных условиях административного здания быть не должно! Но — случилось! Главное — не подать вида, что ты растерян.

— Коньяк? Конечно, найдётся. Держу на всякий случай, может, какой гость вдруг приедет.

Он достал бутылку крепкого напитка, быстро откупорил и налил полную рюмку. Этой мерой он позволил себе подчеркнуть своё расположение к посетительнице. Молодая женщина медленно стала пить. Было заметно, что она становилась на глазах спокойнее. Руки твёрже держали опустошённый хрустальный сосуд.

— Не смейтесь надо мной и не думайте ничего плохого. Просто я испугалась, что умру от стресса или выброшусь из окна, вспомнила о вас и решила, что вы пойдёте и поможете.

— Так в чём причина? Что случилось? — спросил хозяин кабинета.

— Вы сами догадаетесь! Так работать нельзя. Но и уходить я тоже не собираюсь. Я так просто не поддамся. Стоит меня ещё раз разозлить, она пожалеет.

Громов, конечно, догадался, кто это «она». То была одна из немногих «властвующих» руководителей. Сам не раз испытывал несправедливые наскоки, но, в отличие от этой женщины, мог прямо сказать то, что думал. Даже здесь душевный идеализм не покидал его. Он понимал, что надо всеми сгущаются облака, несущие грозы и ветры, и что при таких глобальных переменах, вернувших всё общество в то первоначальное проблемное состояние, с реальностью всё возрастающей разницы в уровнях собственности, прямой зависимости от неё работающего народа, всё будет совсем не просто. И новая власть, пусть полученная на время, будет вновь проводить в первую очередь интересы тех, кто ей разрешил быть этой самой властью в небольшом районе и поставил на ключевые позиции. Народ с этим согласился своими голосами на выборах. Значит, он взял и на себя бремя ответственности за жизнь всего района, но, доверчиво или безразлично, делегировал свои права новому главе и его аппарату вместе с небольшой группой депутатов. Громов своей седой головой, словно пионер или комсомолец, продолжал думать, что ещё не всё потеряно, что всё ляжет в разумное русло. Только надо прилагать к этому усилия.

Он видел здесь много скромных деловых женщин из нескольких отделов и управлений, которых он сам выдвигал на более высокие должности. Некоторые работали больше двадцати лет, и не было заметно, что они устали, отбывая рабочее время по необходимости. Глаза их блестели, как и прежде, а на лицах можно было заметить внимание и сосредоточенность. Это была команда Алексея Васильевича, которой он всегда доверял и знал после нескольких лет разлуки, что их так же ценят на работе.

Прозвучал гимн. Избранный на четыре предстоящих года глава произнёс клятву, положив правую руку на текст устава района:

— Я, Зарубин Георгий Георгиевич, вступая в должность главы Зареченского муниципального района, торжественно клянусь соблюдать Конституцию Российской Федерации и федеральные законы, устав муниципального района, справедливо и беспристрастно осуществлять предоставленные мне полномочия, уважать и защищать права и свободы человека и гражданина, честно и добросовестно исполнять свои обязанности, прилагая все свои силы и способности на благо жителей района.

Приглашённые в зал участники торжества прослушали обязательные выступления и напутствия представительных гостей, постояли с минутой при заключительных звуках государственного гимна, вышли из конференц-зала в небольшой по площади вестибюль, похожий на широкий коридор. Было тесно и душно. Плотной массой участники торжества старались держать в поле зрения законного уже главу района. Рядом с ним стояла его жена. Простая на вид, невысокого роста, она приветливо и чуть растерянно смотрела вокруг. Несколько молодых женщин, с трудом протискиваясь сквозь плотную массу участников, начали раздавать бокалы шампанского, которые до этого ожидали своего часа на маленьких столиках у двух широких витражей. Вдоль стены сверху на присутствующих смотрели с больших портретов, выполненных маслом областными художниками, все бывшие руководители района. Не было портрета последнего главы, который только что заказали в Союзе художников. Георгий Георгиевич ровным голосом поблагодарил всех и поднял бокал со словами:

— За наш город, его процветание, за вас, коллеги! Спасибо за поддержку!

Глава чокнулся верхом своего бокала с бокалами стоявших рядом участников торжества, едва наклоня голову, всякий раз повторял тихо слово «спасибо».

Демократическая, скромная обстановка такого важного события вызывала робкую надежду участников торжества на то, что пришёл «свой» человек и вместе с ним они решат все проблемы.

Общественный совет

На следующее утро в администрации всё выглядело так, словно ничего не произошло. Сотрудники занимали свои обычные места в кабинетах, коридоры были пусты, редкий озабоченный чиновник проходил быстрой походкой по мягкой ковровой дорожке и исчезал в одном из кабинетов. Казалось, все ждут каких-то указаний от новых руководителей, приглашений или вызовов в кабинет главы. Георгий Георгиевич сидел в своём кресле и совещался с помощником. Первый вопрос, который они обсуждали, касался учреждения

общественной палаты. Такая форма участия представителей авторитетной группы от населения в делах городской администрации и районного совета уже была организована во многих городах, да и в самой столице. Поэтому предстояло, не мешкая, создать свой общественный совет в районе. Потребность в совещательном органе давно обсуждалась в представительствах партий, в совете ветеранов и среди сотрудников администрации. Многие хотели видеть в общественном образовании несколько представителей от авторитетных и опытных людей района, которые недавно ушли на отдых по возрасту. Партийцы, кроме членов «руководящей» партии, тоже хотели иметь в нём представителей, чтобы доносить до официальных лиц своё мнение и важные предложения. Для многих не было секретом и то, что некоторые службы районной администрации и отдельные её представители «нуждались» в объективных проверках и боялись их. Руководители, будто не замечая промахов в работе своих подчинённых, как бы нарочно уклонялись от таких проверок, а у депутатов не доходили руки. Странно выглядит подобная ситуация на первый взгляд. Но всё становится понятно, если увидеть роль администрации вместе с главой, которые сами порождали проблемы, не терпящие постороннего взгляда. Особенно там, где стояли у руководства ставленники новой команды. Поэтому не все сразу заметили, что у нового главы и его помощника особые планы. Они больше думали о том, чтобы не промахнуться, не допустить людей, которые уже не очень лояльно отзывались о новых лидерах или критически наблюдали за ними со стороны.

Обсуждение столь важного вопроса глава оставил на вечер.

Он вместе с Русланом Сергеевичем предварительно перебирал фамилии и отсеивал неугодных кандидатов. В их сознании — «ненадёжных». Опасения вызывала одна многодетная семья, которую они называли между собой «одиозной». Парочка родителей успела «засветиться» и в СМИ, и в «Одноклассниках», на сайте района, в областной администрации и даже в почте самого президента. Всё они воспринимали как «ненормальные» люди. То медики их не так приняли, то жЭК не отрегулировал отопление в доме, то участковая полиция невнимательно обошлась с ними при явном нарушении их гражданских прав на выборах. Главным для нового руководства было упредить, чтобы никто из известных горожан не выдвинул главу этой семьи в состав общественной палаты. А если случится такое, то поговорить с депутатами, чтобы голосовали «правильно».

Труд вечерних посидельцев удался на славу. Кандидатов в палату подобрали «надёжных». В основном из числа тех, кто как-то зависел от власти. В первую очередь — бюджетников. Тех, кто

получает зарплату из бюджета района и назначается на должность по согласованию с местной властью. Короче, самые близкие и «понимающие» их люди. Ветеранам там места не нашлось. Опасны они для новой власти! Депутаты, конечно, не пропустили и ту «семейку». Можно работать спокойно и не бояться, что будут от палаты строгие проверки и собственная «ненужная» инициатива.

Механизм городского управления помаленьку отлаживался по проекту команды нового главы района. «Мудрые» мысли не покидали его голову. — Руслан, мы должны обратить особое внимание на молодёжь. Пока видим, что на выборах голосует в большинстве пожилое население: пенсионеры, ветераны труда, бывшие активисты общественных организаций, созданных в те ещё времена. С ними как-то проще, главное, чтобы наша газета и телевидение с радио продуманно подавали информацию, уверенно говорили о достижениях. Проверено, что эта категория избирателей всё ещё верит печатному слову и телевизору. Им некогда разбираться в деталях или проверять что-то. Не та энергия. Но молодёжь должна стать ударной силой, больше проявлять инициативы, устремлять свою энергию на помощь администрации в решении важных городских и районных задач. Для этого надо её направлять, вкладывать средства, дать умных наставников, отзываться на их запросы. Всё окупится, если не ослаблять внимания.

Георгий Георгиевич встал из-за стола, обошёл Руслана Сергеевича. Положил руку на его правое плечо. Помощник замер во внимании, слегка втянув голову под воротник пиджака. Широкий галстук в синюю полосочку поднялся до подбородка и немного стеснил его. Руслан Сергеевич осторожно поправил столь важный атрибут чиновника, не меняя положения замершей головы.

— Я думаю, нам надо создать Центр молодёжных общественных инициатив, — произнёс, наконец, глава района, — если сказать более современным языком — «ресурсный центр». Звучит совсем по-другому, да и не всякий сразу поймёт. Но уловит в этих словах нечто серьёзное.

— Георгий Георгиевич, если позволите, я набросаю план действий по этой проблеме?

— Давай!

Георгий Георгиевич с Русланом Сергеевичем провёл вместе не один вечер в притемнённом кабинете, обдумывая эту и другие идеи. Но всё же большую часть времени, оставаясь по вечерам в кабинете, он любил размышлять один. Тишина и служебная обстановка создавали тот формальный уют, который помогал сосредоточиться на нерешённых вопросах, обдумывать новые идеи, оценивать прошедший день или неделю. Его всегда волновал один вопрос: удалось или нет продвигаться вперёд, решить что-то важное? Не меньше

его волновало, как это ни покажется странным читателю, отношение к нему окружающих людей. Если это были подчинённые по должности ответственные лица, он оценивал в уме их исполнительность, понимание задач и указаний своего руководителя. И может, не сразу, но через некоторое время они могли почувствовать на себе его реакцию. К известным и влиятельным людям в районе он относился критически, ревниво оценивая их реплики, выступления и отношение в целом к его команде. По ним он определял: свой это или чужой.

За широкими витражами главного кабинета администрации жил своей обычной жизнью красивый город. На фасадной стене Дворца культуры с большого экрана излучались краски рекламного ролика, редкие прохожие спешили покинуть улицы вокруг центральной площади и окунуться в уют собственных квартир. Им совсем не было дела до того, что происходит за стёклами полувосвещённого кабинета главного чиновника района.

Вечерние «посиделки»

Вернёмся к уважаемому Руслану Сергеевичу. Верный помощник не может долго оставаться просто помощником. Чтобы его усилия не растворялись в песке от действий ушлых коллег более высокого ранга, пригревшись при прежнем руководстве, его надо было поднять на достойный предстоящему влиянию уровень. Работа предстояла большая. Глава задумал «встряхнуть» район от «лени и спячки», как он думал. Он должен показать на деле областному руководству, что не ошиблись в его выдвижении. Какая должность для помощника может отвечать мыслям главы? Конечно же, должность его прямого зама — заместителя главы администрации района с правами первого. Прямой должности заместителя главы района, то есть самого Зарубнина, не было в штатном расписании. Зато была должность заместителя главы администрации, то есть второго главы, но не района, а только администрации. И занималась такая администрация исполнительскими функциями. Это обстоятельство никакого препятствия не представляло для тесного взаимодействия Георгия Георгиевича и Руслана Сергеевича.

Глава района размышлял: «Нет достойного образования у Руслана Сергеевича? Не проблема! Пошлём на какие-нибудь престижные курсы или президентские школы управления. И пусть кто потом зайкнётся, что не готов человек к большой должности. В администрации вакансий нет? Не беда! Для начала отправим на пенсию одного из заместителей, явно задержавшегося на своём посту. Надо не просто отправить на пенсию, а вообще исключить эту должность из штатного расписания, чтобы временно никто не посмел претендовать на неё. Сделаем это в ходе „оптимизации

управленческого аппарата“. Кабинет займёт помощник, ведь он станет свободным. Пусть помощник освоится, вникнет, поможет и дальше „оптимизировать“ засидевшийся аппарат».

Оптимизацию придумал не новый глава, и начал её предшественник по указанию сверху. И не только аппарата администрации, но и всех других сфер деятельности управленческих структур: образования, здравоохранения, учреждений культуры и спорта. Ничего нового! Всё это было не раз. Оставалось продолжить работу, ускорить процесс! Комитет по развитию физкультуры и спорта возглавлял больше десяти лет грамотный руководитель с профильным образованием. Соединили его с отделом здравоохранения. Экономия? Конечно! Комитет по делам культуры сам бог велел объединить с отделом по делам молодёжи. Ещё экономия от сокращённой должности! Отдел по дошкольному воспитанию давно «просился» в городское управление образования. Объединили! Машина оптимизации работала без перебоев. Такую политику вели все министерства в столице. Особым рвением здесь отличались министерство здравоохранения и министерство образования. Они особо не пытались что-то объединять, а сосредоточились на процессе ликвидации малых и далёких от центров медицинских и образовательных учреждений: малокомплектных школ и фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП). — Набросай себе должностную инструкцию, — продолжал развивать свою мысль глава. — Потом посмотрим, как завершить это дело. Начнём с ключевых функций администрации. Какая, ты думаешь, сегодня самая важная из них?

— Может, избирательная комиссия, Георгий Георгиевич? — задумчиво спросил, а может, вопросом и утверждал помощник.

— Правильно, комиссия по выборам и её председатель! Как организуем выборы, так и управлять сможем. К тому же за «правильные» выборы премии дают. Избирательные фонды совсем не бедные. Подготовь предложения, вынесем документ на совет депутатов. Совет не сказать что лояльный пока к нам, но к новому главе должен отнестись с пониманием. Да и по его составу потом посмотрим. Не наш это пока совет! Совсем не наш! Ты понимаешь, нам нельзя допустить в совет кандидатов от других партий, тем более всяких там вольнодумцев, а по сути — анархистов, особенно от КПР. Эти вообще границ не знают. Опять начнут своим социализмом перед носом махать, доказывать, что в то время жилось лучше, веселее и собственность вся была народная. Да ещё тут же поднимутся их подпевалы из числа «бывших». Зачем нам это? Везде должны быть свои люди! Усвоил?

Помощник главы медленным движением головы сделал подобие одобрительного кивка.

Машина власти работала жёстко и чётко. Руслан Сергеевич без ненужных и вредных сомнений, без оглядки на реакцию коллег и представителей общественных организаций, партий, кроме одной, точно исполнял указания шефа. Новый состав совета депутатов был подобран в основном из двух примечательных сфер — главного предприятия и городских служб, подотчётных главе. Поэтому не случайно в представительном органе оказывались, кроме начальников цехов и отделов, то спортсмены-руководители, то директора школ.

Вернёмся на время в кабинет главы района. Площадь затихла. Машины больше не нарушали тишину и покой города. Погасли огни во всех кабинетах административного здания. Уборщицы закончили мыть полы, пылесосить ковры и дорожки, протирать от пыли служебную мебель. Сотрудники покидали здание строго по расписанию рабочего времени. Только некоторые из них ещё помнили, что в прошлые времена раньше главного руководителя ни один его заместитель или помощник не осмеливался покидать рабочее место. Все ожидали вызова или звонка. Уходили раньше только на вечерние мероприятия или делиться с «первым» лицом новостями дня.

— Руслан, принеси-ка чайку, что-то в горле пересохло. Домой ещё рано, надо подумать, как мы будем решать вопрос с молодёжью. Ясно одно: надо поручить своему человеку это дело, кто уже работал в молодёжной среде, понимает её запросы, по возрасту не ушёл далеко, мог бы по-современному организовать всё. Короче, здесь должен быть человек живой, мобильный, общительный, способный увлечь и школьников, и ребят постарше. Подумай, кого из нашей бывшей команды пригласить, не важно какого пола.

В городе Приреченске уже был молодёжный центр. Его учредили несколько лет назад по предложению группы бывших комсомольских работников и специалистов управления образования района. Администрация выделила свободное помещение и две ставки организаторов, обеспечила минимальное финансирование его деятельности. То есть основа для системной работы с молодёжью была. Новые руководители могли безо всяких проблем расширить его деятельность, ввести новые ставки, предложить на руководство нового, более компетентного и активного, на их взгляд, человека. Но в их «мудрых» головах были свои планы. Молодёжный центр представлялся как параллельная структура под действенным влиянием ресурсного центра. Главной темой самого центра должна стать инновация: то детище, которое при умном управлении «сверху» принесёт вскоре свои плоды.

Руслан вышел в смежную комнату, включил фарфоровый электрочайник, достал из холодильника

коробку с чайными пакетиками, печенье, сахар-порошок, всё положил на два блюдечка. Комната отдыха отвсчала её назначению. У стены стоял мягкий диван, напротив — небольшой холодильник, рядом металлический сейф для служебных бумаг хозяина, четыре стула и маленький столик. На стене висела картина в багетной раме от известного художника как подарок к юбилею города, оставленная первым главой администрации. Георгий Георгиевич не часто здесь отдыхал, не было времени. Заходил почитать доклад перед выступлением или ожидал время начала большого совещания.

Пока Руслан Сергеевич занимался подготовкой к «чайной церемонии», Георгий Георгиевич встал, начал быстро ходить по мягкому ковру, который «услужливо» поглощал звуки шагов и приятно действовал на нервы. Вдруг ему что-то вспомнилось, едва заметная улыбка появилась на холодном лице, в глазах блеснула искра от душевной волны восторженности сердца. Тёплое приятное ощущение пробежало по всему телу, словно ласкающее колыхание воздуха от горящего на снегу костра. Он резко остановился. То, что Георгий Георгиевич сказал, не было в его голове заранее осмыслено, он произнёс не те слова, какие крутились в его сознании, а совсем другие, и дал ничего не значащее указание помощнику. Мысли его были далеки от чего-то явного, осязаемого, как бы прилетевшие из прошлого. Произвольно и невпопад Георгий Георгиевич произнёс:

— Послушай, Руслан, убери ты картину, найдём что-нибудь получше. А эту отдай в архив.

Он остановился, посмотрел на чай, перевёл взгляд на часы и задумчиво сказал:

— Знаешь, Руслан, мне пришла в голову мысль найти Елену. Помнишь, она работала со студенческими отрядами, писала сценарии праздников и вообще «зажигала» студентов? Она потом уехала на юг области и там занялась каким-то бизнесом. У меня есть номер её телефона. Позвони ей.

Он взял в руки остывающую чашечку чая, глотнул быстро несколько раз и вдруг медленно, но твёрдо произнёс:

— Нет, я сам позвоню...

Руслан Сергеевич слушал внимательно своего шефа, что-то особо важное записывал в блокнот и дублировал текст на планшет. Я не обратил сразу внимание читателя на такую важную деталь, что они оба были в районный центр с «умными» планшетами и время от времени нажимали на клавиши, иногда делали снимки. Информацию на их мониторах можно было в качестве аргументов в нужный момент показать подчинённому либо вышестоящему начальству. Какой-то материал они отправляли по электронной почте в нужном направлении. А бумажный блокнот по старинке служил с большей надёжностью, как

и все испытанные временем предметы. Их не «съедал» вирус или нарушение электронной схемы от ошибочных действий хозяев. В этом крылся профессиональный талант Руслана Сергеевича, он интуитивно чувствовал, что надо иметь при себе, а не искать нужную вещь вокруг, если вдруг возникнет такая необходимость. Он также не надеялся на свою отличную память, понимал, что какие-то обстоятельства могут повлиять на точность воспоминания, исказить незаметно смысл и значение слов и мыслей своего начальника. Имея хороший слух, он часто уточнял у собеседника формулировку мысли и записывал в блокнот. Близкие люди в его окружении, если, конечно, у них было развито воображение и способность абстрагироваться от конкретных вещей, стали замечать, что своими манерами и речью он всё больше походит на живой «протокол». Тем он и важен был своему близкому руководителю. Точность, краткость, конкретность мысли, строгое подчинение указаниям, независимо от того, согласен он с ними или нет, освобождали Георгия Георгиевича от излишних напутствий и поправок, дополнительных уточнений.

Прежде чем выйти из кабинета, Руслан Сергеевич на минутку задержался у широкого окна и через приоткрытые жалюзи взглянул на вечернюю площадь. Её не спеша пересекали две бездомные собаки. Первый пёс наверняка играл роль вожака дворовых стай. Его голова была высоко поднята на гладкой прямой шее, длинный хвост вихлял из стороны в сторону, обеспечивая хозяину заданный в голове маршрут. За ним бежала, склонив лохматую голову до асфальта, потрёпанная в собачьих боях сучка. Её хвост был плотно прижат к задним ногам.

В голове Руслана Сергеевича на секунду мелькнула мысль: «Пожалуй, не совсем был прав Георгий Георгиевич, имея в виду, что не хвост, а голова должна управлять. Посмотрим». Владея компьютером и будучи неглупым человеком, он знал из интернета, что *«прежде всего, благодаря хвосту собака может держать баланс при движении. Хвост также выполняет функцию руля и помогает собаке выполнять прыжки, подъёмы и повороты. Собачий хвост служит средством коммуникации с другими псами, по нему можно определить настроение собаки»*.

Это вселяло в молодого помощника уверенность в пользу своего присутствия при главе района. Но высказать свою крамольную мысль он не посмел, даже немного испугался, что она пришла на ум.

Губернатор тоже человек

Район, в котором Георгий Георгиевич начинал новую жизнь, как уже читатель понял, ранее был богатым и процветающим. В его главном городе Приреченске, местной столице, после губительных девяностых годов остались на плаву два мощных

предприятия. Десятки других, вместе с «дочками» гигантов, были обанкрочены. Борьба с этим было бесполезно, и обращаться за помощью, как в те «славные» времена, было просто опасно в целом для всего района.

Георгий Георгиевич знал, что город набрал силу как раз в то время, когда страной правили престарелые лидеры партии и правительства, а создавали богатства «совки», «коммуняги», молодые добровольцы. Они накопили такую силу в «застойной экономике», что с большими потерями, но всё же страна проскочила пагубные девятые годы. Так бы и шло дальше, если бы «умные» и энергичные «деятели» нового мира не общипали эту экономику и духовную самодостаточность почти до «скелета». Стали сами всем править прямо из столицы и решать, кому сколько положено и кого можно допускать к финансовой «водокачке», а кого держать подалеже. Чтобы налогоплательщики не сомневались в хозяйственном таланте правителей, они законом определили, например, одну стоимость по всей стране вывоза мусора. Более того, «умные головы» подсчитали, сколько в стране установлено мусорных баков, сколько не хватает, и сейчас решают проблему, где и как их изготовить и снабдить все регионы в централизованном порядке. О цене речи не идёт, как всегда. Местные власти выложат сколько надо. А вспомним бесчисленные законы «по алкоголю» или запрет на привлечение школьников к труду. По стране с широким размахом внедряются новые технологии и разные изобретения для досуга и развлечения детей и взрослых. На людных местах строят качели, шезлонги, ставят дорогие и модные скамейки, возводят рампы для юных любителей скейтборда и всё остальное, что давно уже есть во многих странах. Теперь будет и у нас в каждом городе. Не отстаём от прогресса! Только не спрашивайте, сколько это стоит, у кого «списано» и кто монополист их продвижения на рынок. Всё же приятно покачаться на современных типовых качелях и полежать в шезлонгах. Или посмотреть, как подростки ловко маневрируют в мини скейт-парке по рампе, стоя на тех самых скейтбордах.

Думаю, что смеяться по этому поводу преждевременно. Посмотрите, что делается в «цивилизованном» мире. Какие «умные» законы правители принимают в своих странах. Возьмём, например, город Белмедир в Калифорнии. Там муниципалитет вынес постановление, которое гласит: «Собака запрещается пускать в общественные заведения, кроме как с владельцами на поводке». А в Коннектикуте велосипедистам запрещено ездить со скоростью больше ста километров в час. Да что там «умная» Америка! Посмотрите, какие законы принимают в Австралии: в провинции Виктория менять электрические лампочки в домах разрешается только электрикам, имеющим специальную

лицензию. В Англии есть также очень строгий закон, запрещающий вывешивать кровать из окна. По сравнению с этим у нас просто гениальные законы. Выполнять их должны новые молодые кадры. Стало быть, кадровый вопрос обрёл особое значение и стал во главу угла. Вот здесь-то и появились уникамы, которых и называть стали по-новому: менеджеры, топ-менеджеры, драйверы процессов и тому подобные «новоделы». Приложил к этому руку выходец из Колорадо-Спрингс, некто Тэлкотт Парсонс, который не в пример нашим бывшим марксистским экономистам быстро разобрался с уровнями управления (даун-менеджер, миддл-менеджер и тот самый топ-менеджер). Простому россиянину стало понятно: если ты топ-менеджер, то и зарплата у тебя «топовая», и считается она не в рублях, а в долларах, и не сотнями, а миллионами. Но если совсем по-простому, как любит понимать наш обыватель, то править бал на предприятиях стали директора—наши доморощенные топ-менеджеры или присланные более высокими «топами» для направления денежных потоков в нужную сторону, а в местных органах власти—главы, чтобы закрывать на всё глаза, и не только... Правда, не до конца разобрались: двух глав ставить на местную власть, или одного. Столица разберётся!

У кого учился наш главный герой «современным» методам руководства районом? Так уверенно и решительно начинать действовать может только руководитель, прошедший определённую школу. Мы знаем совершенно точно, что это не был университет. О специальности, записанной аккуратным почерком в главном документе выпускника технического вуза, он сразу забыл и взял жизненный и деловой курс в сторону публичной общественной и административной работы. На этом поприще наш выпускник проработал недолго и был включён в команду молодого областного лидера на третьи-четвёртые роли. Вот она-то, эта команда, и оказалась стартовой площадкой значимой карьеры. Стало быть, определяющее влияние на стиль и характер его поведения оказали люди, которые им руководили.

Возглавляли региональную власть в разное время самые разные лидеры, но были среди них те, кого можно назвать «зеркалом эпохи». В короткий период самой «разгульной» демократии на арене областной власти появились два разных по профессии и менталитету губернатора. Одно местного руководителя хозяйства столица рекомендовала избирателям, чтобы спасти хотя бы часть народного достояния на селе и в промышленности. Его многолетний опыт, независимый и твёрдый характер, мудрый собственный подход к многочисленным постановлениям и указаниям из областного центра и столицы раздражали порой секретарей обкома партии, но на его стороне

твёрдо и постоянно был недосыгаемый для других результатов работы. И все мирилось с упрямым директором совхоза. Когда пришло время, ему предложили возглавить областную власть. Чувствовал он себя неловко в ней, этой власти. Область большая, а силы уже не те. Написал заявление на имя президента и ушёл. А другого, профессора, столица также рекомендовала избирателям области, чтобы использовать его знания и опыт в экономической науке, начать долгожданные реформы хотя бы в масштабах региона. Это был интеллигентный и доступный руководитель, тонко вникающий в суть проблем. Он внимательно и отзывчиво работал с главами районов и городов, быстро откликался на их просьбы. Если его предшественник мог обеспечить население области самыми качественными продуктами, то этот, по-научному выверенно, мог сохранить работающие предприятия и перевести их на современный уровень. Добрые, умные, профессиональные, они подбирали в свои команды настоящих специалистов, грамотных и культурных. Воспитывали их на собственном примере и настоящих, ещё не подвергшихся разрушению духовных ценностях.

Оба не смогли задержаться надолго на своих ответственных постах и оставить коренной след в истории области, реально повлиять на стихийное развитие событий. Такие не задерживаются. Их просто не держат, или они сами уходят, когда понимают, что от них требуется совсем не то, что действительно нужно населению области. Правители в Центре предпочли «ножки Буша» добротной пище, а работающей промышленности — груды металлолома на китайской границе. С запада шёл мощный вал новой, непонятной народу силы, сметающий на своём пути всё, что ещё было важного и значимого в сознании людей. В область на главный пост, меняя друг друга, начали прибывать посланники столицы. У каждого был свой неповторимый характер и привычки. Только их команды выглядели одинаково. Они назначались не развивать область и поднимать ресурсы на благо народа, а для исполнения чьей-то воли и своего личного обогащения. Одни помощники и заместители губернатора «добывали» крупнейший обрабатывающий комбинат, другие «отжимали» у законных хозяев, трудового коллектива, акции уникального фармацевтического предприятия. Третьи разъезжали с любовницами по районным деревням и порой постреливали из автомата Калашникова для развлечения. Началась «весёлая» жизнь. Какую же роль играли пришлые команды в воспитании своих подчинённых? Каким кадрам они давали дорогу в большую политику и власть? Георгия Георгиевича продвинул губернатор, чей портрет стоял у него в кабинете, посланец Центра, от богатого района, где хозяйничали олигархи. Хватка — чисто капиталистическая, без эмоций.

«Выжимать из области, выжимать из людей!» Кем могло быть его назначенцы? Думайте сами.

Может, не все, но большинство продвинутых во власть «птенцов» с кого-то брали пример. Они наблюдали за действиями своих начальников, невольно впитывали их стиль работы, отношение к людям, особенно — к подчинённым по всей служебной лестнице, до отметки, на которую позволяли себе спускаться при общении. Чаще всего такое заимствование, усиленное подобострастием, обретает искусственную форму с оттенком карикулы. За добротным пиджаком аккуратного, энергичного, не последнего ума высокого чиновника ловко прятается целый террариум особей под названием: гордыня, спесь, гонор, тщеславие, мания величия, звёздная болезнь. Бывает же так, что в душе подчинённого зреет протест против своего начальника, но он терпит, «скрипит» душой и выполняет все его прихоти. А когда вырывается на свободу, может, по воле своего же сатрапистого шефа, то отводит душу уже на своих подчинённых, с ещё большим ожесточением и презрением. Это только догадки автора. Всем, кто пишет, свойственно ошибаться, особенно когда они черпают информацию не прямо, а из вторых уст.

И всё же мы заглянем на минутку в большую кабину главы обширного по территории и ресурсам региона. Напомню, не района, а целой области. Не в сам кабинет, а в комнату отдыха, смежную с ним, где на истоке трудового дня первый начальник вверенной ему бескрайней территории в свободной дружеской манере ведёт деловые разговоры с руководителями городов и районов, друзьями из столицы, принимает решения, которым поутру помощники и секретари придадут форму документа. Если глава региона переходит в эту комнату после восемнадцати часов, значит, он может позволить себе немного расслабиться, вести разговор не официально, а несколько дружеским тоном, угощать гостей не только минеральной водой и чаем. Это ещё первые два губернатора могли повести гостя в общую столовую, выпить с ними по паре чашек чая или по стакану компота с пересушенными фруктами и вернуться к рабочему столу. Отстальные были руководители, не умели принять важного гостя. Новое поколение сразу отличилось от них и от европейских коллег — типичных «жмотов». Жизнь пошла на широкую ногу. Не стыдно было пригласить и самого президента. Посетитель мог закурить, что в хрустальных пепельницах лежат окурки престижных сигарет. Бывает, что совсем не случайный фермер, бывший председатель совхоза, ещё не испорченный цивилизацией, достанет из кармана помятую пачку обычных российских папирос, похожих на марку «Беломорканал», и с независимым видом затянется густым терпким дымом. Красивым вьющимся облачком он зависнет под потолком с лепниной пятидесятых

годов двадцатого столетия, медленно исчезая за решётками вытяжных вентиляционных отверстий. Разговор оживляется, когда на круглом столе главы региона помощник начинает откупоривать бутылки виски или «заморского» коньяка. Но посетителей больше привлекала фирменная, охлаждённая до появления искрящихся росинок на стекле бутылки, российская водка. В ход шёл и популярный в те годы в среде чиновников и начинающих бизнесменов коньяк «Хенnessи». Здесь же стояла пластиковая бутылка с тоником для любителей разбавлять крепкие напитки, в первую очередь — джин. У хозяина кабинета теснились в холодильнике и другие крепкие вина брендовых марок. Это были, как правило, подарки хозяину кабинета по особым случаям и подавались на стол только в ходе частных бесед один на один с важными собеседниками.

По названию и содержимому красивых бутылок можно было догадаться, что они помогали загруженному повседневными заботами губернатору и его друзьям не то чтобы отключиться от мрачных мыслей, но получить чувственное удовольствие и наслаждение. Эпикуру бы пришлось пометчать об этом, покидая философский свой сад. Но он не огорчится: мудрый философ призывает своих учеников приучать себя к скромному и умеренному образу жизни.

Читатель может подумать, что в изложенной картине рабочего быта хозяина региона заключён общий стиль работы высоких руководителей. Напомню, что говорил выше: разные были губернаторы, случались персоны, полярно не похожие друг на друга.

Губернатор тоже человек! Ему не чужды простые человеческие проявления, особенно когда он объезжает районы, знакомится с состоянием дел на местах, по ходу решает какие-то проблемы. Один из самых известных в России губернаторов региона часто бывал в районе и городе, о котором мы ведём речь. Делал решительные попытки отстоять угольные разрезы и тепловую электростанцию. А вечером играл в шахматы с заядлыми шахматистами города и лично с главой, весело и непринуждённо разговаривал с активными людьми за большим общим столом в местном кафе. Конечно, армянский коньяк и водка не позволяли высохнуть рюмкам и фужерам в руках хозяев. Только многие замечали, что губернатору подливает в рюмку маленькими дозами его помощник из собственной плоской бутылочки, извлечённой из внутреннего кармана пиджака. Эти времена быстро прошли.

«Эй, Жорик, принеси чаю», — вскрикивал часто хозяин кабинета, уже другой губернатор, взмахивая правой рукой, пощёлкивая большим и средним пальцами. Из приоткрытой высокой и тяжёлой филёнчатой двери показывалась на секунду

голова молодого человека и понимающе кивала шефу. Через несколько минут перед ним появлялся дорогой поднос с чашками ароматного чая. Друзья и недруги молодого человека так и прозвали его: «Жорик, принеси чаю». Большой начальник, лишённый от природы уважительности к людям, той толстовской любви и стремления понять их, вознесённый стечением обстоятельств на высоту, с которой он может отдавать приказы и распоряжаться судьбами людей, не заметит, что прокатился тупым катком по его душе, оставил болезненный след. Может, это обстоятельство больше других запало в ревнивую и честолюбивую душу будущего главы района? Эта уничижительная рана будет долгое время напоминать о себе, порой приводить в бешенство, которое можно охладить точно такими же поступками, унижая подчинённых ему людей. Да, это был он, Жорик — Георгий Георгиевич, на старте своей молниеносной карьеры. И у него скоро будут свои подчинённые люди, свои сферы влияния, и он, сознательно или нет, будет их учить, лепить по своему подобию новую когорту бюрократов: честолюбивых, завистливых, бездушных, без всякого понимания их истинного призвания понимать людей и помогать им.

Что нам кабинеты самых больших начальников? Правды из них всё равно не узнаешь. Наша задача другая: пообщаться поближе с новым главой районного центра. Поэтому я и остановился на первых шагах его карьеры.

Смеркалось. Рабочий день давно закончился, но два человека продолжали обсуждать текущие проблемы. Город не был столичным, даже областным центром, читатель это знает. Поэтому с наступлением сумерек и пешеходы, и автомобили спешным аллюром расходились и разъезжались по дворам многоквартирных домов, оставляя улицы мрачными и пустынными. Совсем недавно всё было по-другому. Машин почти не было, но город освещала неоновая реклама. Она была всюду: на фасадах Дворца культуры и музыкальной школы, почти на всех магазинах, кинотеатре и других общественных зданиях. Этим занималась большая мастерская. В новом веке вместе с предприятиями, магазинами и общественными зданиями быстро исчезала и неоновая реклама, пока совсем не стало темно. Новые власти с дирекцией главного предприятия вместо всего этого повесили на фасадную стену Дворца культуры огромный электронный экран. Теперь этот телевизионный экран стал излучать на площадь перед прохожими по-современному достижения предприятия и администрации города. А чтобы не было скучно, в перерывах стали запускать ролики о жизни в районе. Но реклама снова начала появляться на частных магазинах и фасадах административных зданий предпринимателей, возвещая наступление нового времени, той рыночной экономики, против

которой боролась семь десятков лет идеологи прошлой эпохи.

«Нет худа без добра» — нашим героям поздний безлюдный вечер давал возможность поработать без назойливых посетителей и чиновников аппарата. Чёрная иномарка в темноте наступившей ночи, едва освещённая уличными плафонами, стояла у подъезда без водителя. Глава района часто задерживался после рабочего дня в своём кабинете. Уезжал с работы сам и оставлял машину до утра у своего дома. Водитель забирал её рано утром и начинал с главы объезжать город, проблемные объекты, часто отправляясь в районные посёлки и сёла. — Георгий Георгиевич, забыл сказать, — заканчивал разговор помощник главы, — что вчера приходил местный писатель и передал вам свою книгу. Сказал, что она об истории района и вам интересно будет прочитать её.

— Ты же наешь, Руслан, я вообще-то книг не читаю. Зачем время тратить? И так увидим всё своими глазами и услышим кого надо. Передай её в библиотеку.

В половине двенадцатого собеседники покинули здание администрации.

И стол как зеркало души...

Кабинет главы района отвечал самым современным требованиям. За спинкой высокого кожаного кресла на флагштоках стояли два флага. Один — государственный флаг, триколор, другой — флаг района, как его порой называют — штандарт. На стене висел цветной портрет президента страны. Его брутальный, направленный в сторону входной двери взгляд и тонкие поджатые губы твёрдого политика-вождя всем входящим внушали лёгкий трепет и чувство правоты державного курса. Этот портрет с колющим взглядом главы государства особенно нравился женщинам всех возрастов. Некоторые из них даже повесили его копию в своей квартире и с восторгом начинали обсуждать незаурядные действия лидера государства, когда приходили гости.

Совсем недавно прошла эпоха портретов великих и не очень вождей. В каждом кабинете должен был висеть фотопортрет, или выполненный в масле, ушедшего в историю создателя государства или великого теоретика. Обязательным был портрет действующего лидера партии, но, несмотря на государственную обязательную идеологию, хозяева кабинетов могли сами выбрать по своим убеждениям и вкусу, чей портрет поместить над рабочим столом. Чаще такой выбор падал на самого авторитетного в то время, окружённого легендами тысяч книг и статей, вождя мирового пролетариата. Это был выбор души. Такова была вера в тот «верный» путь для народа, который он указал всей своей жизнью. Но вернёмся к нашим героям.

В том же кабинете главы района, справа от его кресла, на полке, стоял в красивой, под цвет золота, рамке, меньший по размерам, портрет губернатора области. Молодого, черноволосого, с восточными чертами лица, массивным, с ястребиным изгибом, носом, чуть закруглённым к губам, словно клюв хищной птицы, и несколько лукавым взглядом полуопущенных глаз. Будто прятал свои мысли от окружающих. А может, чего-то и опасался. Второй портрет совершенно не нравился ни мужской, ни женской половине администрации района, они тяжело косились на него, и взгляд их выражал недоверие. Это был назначенный президентом из числа молодых, да ранних бизнесменов. У него была особая миссия в области. Не умом обозревать просторы вверенного ему региона и налаживать жизнь трудового народа на современный лад, а строго выполнить два его указания: добывать нефть и строить дороги. Остальное — как получится. Замечу, что я не совсем прав, были у него и другие интересы, которые не определял президент. Им-то он уделял первостепенное внимание и старался никак их не афишировать. Может, потому он и не глядел в глаза простоватым собеседникам. Но при встрече с подчинённым, в первую очередь главой города или района, он мог прожечь их одним взглядом. Не дай Бог проявить к молодому губернатору невнимание. Мигом загонит в финансовую кабалу и к новым выборам поддержит другого, более лояльного кандидата.

Мебель в кабинете была новая и модная. Кресла — в коже бежевого цвета. Каждый следующий хозяин кабинета считал своим долгом поменять тот деловой гарнитур, которым пользовался предшественник, так же как и машину. Мало ли кого возил его предшественник и какую оставил в ней ауру. Раз рано убрали, значит, неудачник был, не сумел сохранить власть, хотя за бюджетные деньги успел поставить к подъезду дорожку иномарку. Через этого главу, выдвинутого на должность директором главного предприятия, в район начала проникать новая власть — действительно властная и жёсткая, как и сам директор. Чем меньше владел назначенец искусством управлять, тем строже становились его голос и взгляд, тем легче он решал судьбы подчинённых. Но время давало району и тех руководителей, которые обладали способностью организовывать и поднимать народ на решение поставленных задач. Их школа жизни была проста и сурова. Каждый в начале трудового пути просвечивался жёстким, как рентген, взглядом бригадира, потом начальника цеха или отдела. Задания были конкретны, и выполнять надо было быстро и добротню. За строгостью начальников человек ощущал и заботу о нём, получал вовремя поддержку, если нуждался в этом. Где бы он ни работал, заставляли постоянно учиться. Особо не уговаривали — заставляли! Давали практическую

работу, её тонкости постигали при участии наставников, потом на цеховых курсах, технических и экономических, которые вели свои же инженеры, и, конечно, обязательной была политехчѐба, регулярные собрания. Хотел работник того или нет, но даже подсознательно впитывал полезные знания, которые ему помогали и работать, и общаться с «умными» друзьями. Работник постоянно был под целенаправленным вниманием извне, формировал и шлифовал характер, свою профессиональную пригодность сообразно задачам страны, её стратегической линии. Хорошо это или плохо, решайте сами. Но то были особые люди, владеющие ситуацией, они не боялись ни приказов начальников, ни их сумасбродного поведения. Знали своё дело и умели обращаться с людьми, не унижая их достоинства. Поэтому необычное поведение новых руководителей района, какого ещё не испытывали на себе, вызывало у людей усмешку и едкие замечания, особенно в узком кругу. Во всей театральности их поступков они видели внутреннюю слабость, всё ничтожество и ущербность случайного появления на этом месте, несоответствие «высокому креслу».

Молодой глава, рекомендованный областным руководством, не замечал этого, а может, не хотел замечать и действовал без внимания к особенностям людей, их уникальным способностям. Не было времени проникать в их души. Быстрый, как штык нападающего, приказ, и — попробуй не выполни. Участникам ежемесячных совещаний, оперативок запомнилось его первое появление перед ними. Руководители приветствовали его стоя, а когда сели, директор крупного муниципального предприятия Евгений Леонидович вновь поднялся и обратился к новоявленному главе: — Георгий Георгиевич, от имени всех присутствующих разрешите мне приветствовать вас на ответственной работе и пожелать успехов. Мы думаем, что сработаемся с вами, у нас всё получится, и будем вместе решать проблемные вопросы.

Лицо главы района исказилось в презрительной улыбке, и он дикторским тоном произнёс:

— Мне не нужны ваши «пожелания», и я не собираюсь с вами «срабатываться». Будете выполнять мои указания. Запомнили?

Режим работы глава установил особый. Может, он отражал тенденцию возрождённого капиталистического государства. Может, воплощал особое отношение к своим властным функциям и твёрдо определял порядок, как править бал и вершить судьбы подчинённых, а вместе с ними и всего населения района. Совсем недавно был механиком в большом автохозяйстве, смотрел на начальников снизу вверх. Теперь судьба, а может, «свои ребята», по неизвестным никому расчётам в правительстве области, подарили молодому энергичному чиновнику шанс смотреть на всех

с высоты первой должности в районе. Значит, надо сразу показать всем их место в жизни и его собственное, обозначить границу.

Обширный стол главы района тоже говорил о многом. В прежние времена у первого и последнего мэра, как называлась подобная должность первого лица района в девяностые годы, стол был завален бумагами, папками, между которыми ютился оргнайтзер, а на приставном столике — два или три простых телефона. Но среди них был один особенный. Называли его телефоном правительственной связи «вЧ» (высокочастотный с шифрованием разговора). Пожелтевшие, с завитушками, края бумаг свисали из папок и подсаживали посетителю, что хозяин кабинета перегружен неотложными делами, ему некогда заглядывать в бесконечные отчёты, деловые письма и поощрять канцелярский раж своих подчинённых. Сменивший его очередной глава очистил стол ото всех бумаг, самые неотложные спрятал в боковые ящички и мог любоваться своим отражением на тёмной полировке столешницы. Наш главный герой, в отличие от первых исторических руководителей района, полностью положился на секретаря приёмной и специалистов общего отдела. Они приносили к нему согласованные службами по всем вопросам документы, которые он быстро просматривал, ставил подпись или посылал на доработку, и тут же отправлял их в отдел для регистрации и к исполнителям. Вполне разумно! Небрежности или показушности в этом не было.

Вскоре на двери установили табличку, запрещающую входить в кабинет с сотовым телефоном и какими-то вещами. Правильно! Пусть не отвлекают от работы! Строго устанавливался регламент личного приёма граждан: только по предварительной записи, — и это сразу вызвало возмущение посетителей, которые потратили время на ожидание означенного часа и даты, но встреча не состоялась по «уважительной причине». Начальникам управлений и служб вход разрешался только по договорённости через секретаря приёмной, с записью в журнале. Такого раньше не было. Один бывший работник первой, ещё постсоветской, администрации, прочитав табличку, немного посмеялся, прикрыв рот ладонью, потом заметил стоявшему рядом товарищу:

— Помните, первый глава и его заместители держали всегда двери открытыми, и каждый желающий мог зайти, если хозяин кабинета не вёл совещания? Мы, да и все начальники отделов и управлений, могли открыть дверь в кабинет в любое время без согласования. Это же помогало быстро решать проблемы и не накапливать их на будущие времена.

— Да, — вторил ему собеседник, — те руководители владели ситуацией и имели собственные силы, если хотите — интеллект, справляться с проблемами

без напряжения собственного и тех, с кем решали проблемы района. Глава не утопал в мелочах, он в рабочее время мог решать стратегические задачи. Своим отношением не отталкивал, а притягивал людей, они не боялись проявлять инициативу и брать на себя ответственность. И это был один из верных источников успешной работы всей администрации района. Потому и крепла основа развития всех отраслей, и в первую очередь тех, которые, кроме городской власти, никто поднимать не будет. Это, конечно, образование, здравоохранение, культура.

Что ж:

«...кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21).

Дело важное!

Не новое это дело, но эффективное на взгляд главы — строго соблюдаемый порядок работы по контракту. Раньше на него особо не обращали внимания: формальность, да и только! Каждый знал своё место и своё время. Можно назвать это гармонией в отношениях начальника и подчинённого. Но сейчас такое, казалось, рядовое обстоятельство обрело совсем другую перспективу, внушающую постоянный страх за своё место у служащих всех рангов. Принятому на работу сотруднику устанавливали вначале короткий испытательный срок нахождения в должности, потом подписывали контракт на год-два. Чаше, конечно, на год. Ничего противозаконного в этом не было. Но у нас же всё не так, «как у людей». Новый начальник больше смотрел на подчинённых с точки зрения лояльности, верности ему. Не дай Бог, он чего-то ослушается, пойдёт самостоятельным непонятным путём, да ещё вдруг выскажет своё особое мнение, то — вот он, контракт. Без объяснения причин в отделе кадров скажут чиновнику: «Ваш контракт заканчивается, глава его не продляет. До свидания!» На вакантное место тут же ставили «своего» человека.

Добрый читатель, конечно, пожалеет обиженного сотрудника. Привычка того времени заключалась в том, что первым, кого народная молва негласно обвиняла, был начальник. Мол, он такой строгий, жёсткий, бездушный, обидел работника. В нашей ситуации обвинят, конечно, главу района или его заместителей. Бросят незаметно осуждающий взгляд в его сторону. Но, как читатель знает, «нет худа без добра». При «добренькой» власти всегда находятся приживалы, которые пользуются таким «интеллигентным» поведением руководителей. Не справляясь со служебными обязанностями, всячески держатся за место и проявляют агрессию, если их попытаются поставить на место или освободиться от них.

Несколько лет назад работала в одном отделе немолодая уже служащая, занимала должность заместителя начальника отдела. Делала ошибку за ошибкой, заваливала все поручения, не могла

закончить ни одну справку по каким-то проблемам. Ей вежливо намекнули:

— Ольга Сергеевна, не хотите ли вы перейти в специалисты? Зарплату оставим прежнюю, там легче вам будет работать.

— Вы что, хотите от меня избавиться? Не получится! Вы же знаете, что я потеряю право на доплату к пенсии, если уйду досрочно на более низкую должность?

Не получилось её уговорить. Тогда назначили переаттестацию. Решением стало: «несоответствие занимаемой должности». Ольга Сергеевна подала в суд, конечно, «самый справедливый», показала там грамоту, которой её наградили год назад за компанию с другими сотрудницами к празднику Восьмое марта, то есть к женскому дню, и суд вынес решение в её пользу. Так и «работала» «ударница коммунистического труда», пока не вышла на пенсию. Но — те времена закончились, и всё обернулось совсем в другую сторону.

Самым заметным нововведением хозяина кабинета был «протокол». Попросту — регламент отношений должностных лиц во время массовых и камерных мероприятий, деловых и служебных взаимоотношений между руководителями и подчинёнными. Если говорить точно, то «протокол» как таковой был и до него. «Заслуга» Георгия Георгиевича в том, что он вдохнул жизнь в «мёртвую» бумагу и придал ей своё особое лицо, характер и значение. Как вести себя ведущему мероприятию: кому и когда подавать микрофон, как его ставить перед очередным выступающим или убирать на короткое время, кому первому давать слово, как подносить награды, цветы и тому подобное. Обязательным стало фотографирование всех награждённых за какие-то заслуги с главой. Ещё до прихода новой команды, видимо, для того, чтобы подчеркнуть важность формальных отношений в новых условиях, изменили название должности заместителя главы администрации по общей работе на: «заместитель главы администрации по организационной работе и протоколу». Но акцента на последнем слове не делали. Работали спокойно по законам страны и уставу района. Депутаты придерживались своего регламента, который сами же и утвердили. С приходом нового руководителя «протокол» стал понятием активным и обязательным. Им очерчивался, словно «чёртовой чертой», круг возможностей или дозволенного им порядком по отношению ко всем, кто соприкасался с властью. Обязательным стало согласование всех сценариев районных мероприятий с главой или его заместителем.

Поздно вечером Руслан Сергеевич вызвал в кабинет главного тренера по классической борьбе и спросил:

— Так, Анатолий Иванович, завтра встречаешь гостей из области?

— Да! Мы пригласили Георгия Георгиевича от-крыть соревнования. Приедет председатель областной федерации, его заместитель и чемпион Олимпийских игр Рустам Сагдулаев.

— Расскажи, как будете встречать гостей, кого ещё пригласили, покажи сценарий.

— Да, мы разработали сценарий, пригласили директоров спортивных учреждений, председателя комитета по спорту, теперь он заведом. Есть целый список. Также пригласили Алексея Васильевича Громова, он долгое время курировал спорт в районе, почётный гражданин, будет выступать вторым.

Руслан Сергеевич вперил свой тяжёлый холодный взгляд в глаза главного тренера и, хлопнув правой ладонью по раскрытому тексту сценария, произнёс:

— Так, стоп! Вычеркни из списка Громова, пусть сидит со всеми вместе. Первому дашь слово Георгию Георгиевичу, за ним — заслуженному тренеру по вольной и греко-римской борьбе, председателю федерации. Последним будет выступать олимпийский чемпион. И достаточно! Покажете ролик о наших достижениях за последние полгода. Понятно?

Во времена не столь отдалённые всё было проще. Если на значимое мероприятие приглашали главу района, то сообщали ему об этом накануне, дня за два-три, и получали согласие. Он мог навести справки, что-то дополнительно уточнить и появлялся в назначенное время один или со своим заместителем на месте события. Ему давали слово, и он душевно произносил нужные слова. Никакой специальной подготовки заранее со стороны его помощника или аппаратных работников не было. Да и помощника тоже не существовало. И не было такой необходимости первому лицу готовить под себя сценарий.

Опять же, при всём уважении к первому мэру, надо знать тем, кто готовит мероприятие, кому можно доверять ответственное дело, а кому нет, каков уровень культуры организаторов, их опыт. Неловко почувствует себя руководитель, если его подчинённые всё пустят на самотёк и превратят торжественное мероприятие в сходку. Значит, прав был отчасти Георгий Георгиевич.

Громов сидел среди почётных гостей. Справа от него расположился знаменитый тренер из областной федерации борьбы, рядом с ним — глава района и его заместитель по вопросам социальной сферы Василенко Надежда Павловна, заслуженные тренеры — ветераны спорта, воспитавшие несколько поколений спортсменов в районе. Объявили построение команд, их торжественное прохождение. Спортсмены маршировали по двум большим борцовским коврам. В каждом из них было по два круга: внутренние круги жёлтого цвета и предупредительные красные круги вокруг них на синем поле штрафной зоны. Всё это выглядело красиво

и настраивало ребят на стремление к победе. Громов всматривался в их лица: сосредоточенные, с мечтой о победе, с тем ещё юношеским складом тела, когда мускулы только начинают обретать бойцовскую форму и делать фигуру крепкой и статной. Он представил на минуту тех первых борцов — участников Олимпийских игр, которые двадцать семь столетий назад впервые вышли на стадион перед восхищёнными греческими болельщиками. Мальчишки, которые проходили перед его глазами, связали в сознании то историческое время и сегодняшний день, и жизнь представляли одним бесконечным пространством, общим во времени.

На торцевой стене зала борьбы был закреплён огромный баннер с портретом бывшего главы района Василия Григорьевича Коваленко. Турнир посвятили его памяти. Стоя прослушали государственный гимн. Выступил глава района с поздравлением участников соревнования и началом такого важного события. Он отметил роль первого мэра и главы района в развитии спорта и создании прекрасного спортивного дворца борьбы. За ним дали слово председателю областной федерации борьбы и известному спортсмену области. После него к микрофону вышел скромный, совсем не спортивной походкой олимпийский чемпион. Его голос и стандартные слова заметно снизили боевой дух молодых спортсменов, это было видно по их лицам. Дети ожидали от чемпиона особых, зажигательных слов, может, подсказки, как стать олимпийским чемпионом, или весомого напутствия. Вместо того они увидели потухшие глаза немолодого чемпиона и натруженные кисти рук с синими ручейками сосудов.

Громов приготовился выступить, ждал с волнением приглашения от ведущего, но тот объявил завершение торжественной части, и началась соревнования. Если бы ему сказали заранее, что порядок этой части мероприятия изменён, он бы принял это только с облегчением. Алексей Васильевич всегда волновался даже перед самым коротким выступлением, искал то, что он называл «ключом», то есть самым важным для слушателей. Но здесь всё выглядело как-то странно. Когда один из близких Громову тренеров «по секрету» сказал, что накануне в сценарий вмешался Руслан Сергеевич, он решил больше не участвовать в мероприятиях, где был глава района или его визави, и вспомнил слова Конфуция: «Если тебе плюют в спину, значит, ты впереди».

«Нет, здесь что-то не так, — подумал он. — Я ни с кем не соревнуюсь, далёк от подобных сравнений. У меня своя жизнь, свой её смысл. Смешно претендовать на первенство с кем-то из числа действующих чиновников. Всё это похоже на обиду. Какая может быть обида на такого служаку, с амбициями превосходства, со слепым подчинением начальнику? Нет! Это протест, это его начало».

Громов знал жизнь в разных её проявлениях и понимал, что настоящей опоры у этих «важных персон» нет. «Тень» Зарубнина—это временная иллюзия. А сама пара и их прислужники—всего лишь призрачное племя между «товарищами» и «господами», не понявшее ни тех, ни других. Неужели они думают, что действительно находятся на высоте положения и что это навсегда? Бескрылые, они думают, что парят над paradise? А на самом деле падают на мусорный полигон своего будущего «рая».

Он-то хорошо понимал, что удержать даже краешек той власти, на которой они оказались совсем случайно, им просто не удастся. И причиной того будут сами, с их сознанием и карьерным жизненным опытом. И вспоминал уроки своих руководителей, волевых и решительных, заслуженных по праву,—словом, харизматичных, но скромных и уважительных в общении с любым человеком, независимо от его положения. Он даже не поверил своему бывшему сотруднику, который рассказал, как организуются выступления с участием администрации.

Если человеку на мероприятии давали первому слово только из уважения к его значимости в обсуждаемой теме, а не по должности, начальник отдела мог наказать руководителя учреждения, где проходило очередное действие, или сделать ему строгое замечание. Руслан Сергеевич своим указанием только подтвердил новый порядок. В первую очередь давали слово представителям администрации, после чего к микрофону допускались заслужившие лояльность руководителя, независимо от их заслуг и авторитета. Должность чиновника, ступеньку его карьеры сделали главным критерием непререкаемой значимости должностного лица и забыли мудрую поговорку: не место красит человека...

Ко всем этим «достижениям» добавилось ещё одно. Если мероприятие в библиотеке или Дворце культуры готовилось с участием представителя администрации, оно получало статус городского, а если библиотека сама, без официального приглашения чиновников, проводила своё мероприятие—например, презентацию книги,—то оно считалось рядовым. Здесь не появлялись представители СМИ и не было того мнимого торжества от присутствия важной персоны. Случайный приход кого-то из администрации района вызывал лёгкую панику руководителей, слышались испуганные шепотки: «Кто пригласил, зачем? Почему заранее не согласовали?»

Значит, закончилось те времена, когда любой заместитель главы из личного интереса мог забежать «на огонёк», посмотреть, послушать, тихо удалиться. Всё должно быть официально и очерчено уровнем должности посетителя.

Алексей Васильевич Громов жил отчасти прошлым. Как и у всякого человека, в его памяти

всё больше оставались приятные воспоминания, и уходило из неё те жёсткие, тревожащие душу картины ограничения свободы мысли, надменные указания аппаратных чиновников, наделённых партийной властью. Их мнение чаще всего было последней инстанцией в рассуждениях. Он не хотел согласиться с тем, что новая «вертикаль власти» строит свои особые правила, которые отдаляют от неё простого мыслящего человека, и ставит на ключевые должности тех людей, которые угодливо, не задумываясь, подчиняются ей. Понятие личности растворилось в головах боязливых чиновников.

Такой разве сможет защитить, поддержать нестандартную мысль товарища или коллеги, добиться чего-то вопреки ошибочному решению начальника? Человеческие отношения превращались в протокольные. Район начал жить по протоколу. Как же без него, если областные и краевые управления регионов превратились в министерства, а ставленники правящей партии становились лицами почти недосыгаемыми и не подконтрольными простым гражданам? В «королевстве кривых зеркал» вначале всё кажется смешным и случайным, пока с тебя не потребуют плату за развлечение.

Вы в списке

Откуда у русских людей такое своеобразное поведение? Может, его основа кроется в том глубоком обмане, который медленно проникал в сознание народа и ныне паразитирует в наших душах, ломает нам жизнь, направляет её по ложным ориентирам и целям? Обман заключается в умышленной подмене понятий. Что автор имеет в виду? Русский народ слышит постоянно о западных ценностях: свободе, демократии, нравственности, законности и даже справедливости,—которые с агрессивным упорством втолковываются нам в поучениях западными политиками, политологами, сворой продажных журналистов, в основном из так называемых развитых стран. Почему—продажных? Да потому, что вместе с настоящими ценностями, которые мы тоже принимаем, нам поставляют то, что они сами в своём народе не приемлют. К тому же всякие перевороты и агрессию подают как защиту демократии. Может, народам в Африке или на Ближнем Востоке такая демократия совсем не нужна? Нам они поставляют упорно то, что народ считает безнравственным и вредным для здоровья общества.

С политиками всё понятно. На Западе и на Востоке они как два сапога пара. А вот с журналистами, своими, отечественными, как наивно думал Громов, всё должно быть по-другому.

Здесь категория совести и профессионализма закладывается в их души тем гуманитарным образованием, которое получили. Представим себе университеты, в которых они учились, классиков,

чьими читали, которые делали их в меру просвещёнными людьми, призванными видеть и честно отображать жизнь. Не случайно какое-то время облик профессиональных журналистов оставался этаким рупором правды и справедливости. Конечно, на них влияла идеология, представления местных властей о роли печати, но много было доброго и правдивого, всегда была реакция прессы и радио на критические письма снизу, редакции давали ответы заявителям.

Теперь же хоть из пушки стреляй — никто ни на что не реагирует. А если заявишь о себе, то редактор может легко захлопнуть перед тобой двери. Печатные издания самого высокого уровня, которые дорожили своей репутацией, активно поддерживали былые правила, пока политика, а вместе с ней и профессиональная ложь не взяли верх. Народ, насытившись столь сомнительной продукцией, стал прозревать, делать выводы из ошибочных собственных представлений и добродушного доверия своим публицистам. Более критично он стал относиться и к «друзьям» из-за рубежа, их назойливому стремлению сделать нас «цивилизованным» обществом. Но вот какая заковыка. Если журналист продал — за деньги, конечно, или за своё положение в сфере влиятельных фигур или партий — свою совесть, то он будет направлять общественное мнение по ложному пути, какой ему подскажут эти влиятельные силы. Он не заметит, как потерял профессию, а всё то, что пишет или вещает, превратилось в пустой набор слов на потребу недалёким обывателям и своему шефу. А человек, особенно наш, привыкший с первого класса школы верить всему, что исходит от официоза, от тех дьявольских сил, будь то газета, радио или телевидение, автоматически начинает верить в истинность всего сказанного.

Понятие «дьявольские» автор заимствовал из философских и литературных размышлений Гёте, Байрона, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Булгакова... Зло всегда прячется весьма ловко и убедительно под маской добродетели. Его стимулами служат деньги и власть. Влиянию дьявола подвержены не только отдельные персоны с комплексом дополнительных свойств души, таких как зависть, эгоизм, тщеславие, но и целые государства. Яркий пример — наш беспокойный «партнёр» за океаном, вернее, его политическое руководство. Да! В основном политическая верхушка! Народы-то почти везде нравственны. Но тот гигант влияния ловко умеет обличать пороки других государств и народов, спрятав свой истинный дьявольский облик. Деньги и власть над миром — главная цель существования его лидеров. Но в головах и сердцах народов всё ещё теплится божеское понятие совести.

Легко говорить о чём-то далёком и совсем не нашем, обличать во всех смертных грехах явных и мнимых отрицательных героев. Посмотрим

поближе на родных, доморощенных дьяволят. Среди них есть крупные особи в масштабах страны. А есть местные в каждом большом и малом городе, районе. Заглянем на минутку в доступное и знакомое нам пространство.

Однажды Громов зашёл в кафе пообедать. К нему за столик подсел сотрудник администрации, с которым он давно был знаком и решал не один вопрос. Их отношения можно было назвать товарищескими.

— Алексей Васильевич, добрый день! Не помешаю? — Да что вы, Павел Николаевич. Давненько не виделись. Расскажите хоть, как живут ваши коллеги.

Официант подал на стол блюда, какое-то время товарищи молча расправлялись с солянкой, потом приступили ко второму. Сосед Алексея Васильевича отложил нож и вилку, внимательно посмотрел на него и сказал:

— Алексей Васильевич, смотрю на вас — вы такой же неугомонный, пишете статьи в газетах, только не в нашей, всё какие-то идеи пытаетесь осуществить. А почему не в нашей газете?

— Да что-то с уходом или «уводом» главного редактора не получилось. Новый редактор уклончиво тянет время, отложил наш большой проект в долгий ящик. Вижу, что он делает это сознательно. — Да, вы правы.

Собеседник минуту помолчал, чуть пригнулся над столиком, посмотрел на Громова, будто хотел сказать что-то значимое.

— Алексей Васильевич, вы в списке?!

— Какой ещё список? — не понял Алексей Васильевич и стал переспрашивать, пока до его сознания не дошла простая истина: директор телерадиокомпании передал редактору «секретный» список главы, где значилась и его фамилия.

Редактору запрещалось по любому поводу отображать личность Громова, как и других по списку, на страницах газеты в текстах и на фотографиях. Больше всего Громова поразило то, что вместе с ним в списке были фамилии первых заместителей главы администрации и самого председателя совета депутатов. Он дважды переспросил собеседника: — Павел Николаевич, вы ничего не перепутали? Ведь председатель совета — реальное высшее лицо в муниципалитете, под его руководством готовятся решения об утверждении в должности, даже того же главы района, его заместителей. Он с депутатами утверждает проекты решений, подготовленные администрацией под руководством главы. То есть это одна власть в двух лицах. Значит, Георгий Георгиевич считает себя главнее и делает всё, чтобы снизить достоинства всех остальных до второго и третьего ряда своих подчинённых сотрудников? — Вы заметили, что его бывший помощник, а теперь заместитель главы администрации, контролирует СМИ и подсказывает, чтобы ставили в очередной номер газеты обязательно портрет

шефа и несколько сюжетных фотографий? То же и в передачах по телевидению: он — главное действующее лицо. Надо не забывать и о сопутствующих текстах. Руслан Сергеевич за этим строго следит, почти как литературные цензоры в Российской империи в девятнадцатом веке. И не один такой Руслан Сергеевич верховодит прессой. Возьмите, к примеру, любое ведомственное издание.

Громов хорошо знал редактора муниципальной газеты Николая Викторовича Закатея, сам предлагал ему возглавить редакторский коллектив. Он замечал в последнее время по передовым статьям и репортажам с места событий, что с газетой происходит нечто насильственное. Исчезла та лёгкость материалов, которая даётся корреспонденту, когда он свободно смотрит на вещи. Когда делает статью или репортаж так, как подсказывает ему совесть, желание показать правдиво событие или рассказать уважительно и даже с любовью о достойном человеке. Опытные глаза читателей сразу увидели, что газета скукоживается, становится с каждым номером более формальной, сухой, неинтересной. Многие перестали на неё подписываться или покупать в магазинах, предпочитая другое, своеобразное, вроде как и самостоятельное издание, которое делалось с заметной независимостью от местной власти и ограничительных рамок в критике не испытывало.

Громов понял, что всякая борьба или объяснения с «пришельцами» не получают поддержки ни в СМИ, ни среди равнодушных горожан, ни среди близких к власти персон, даже если они с уважением относятся к нему, участливо порой говорят о «понимании и дружбе». Он решил уйти до поры до времени в работу, близкую ему, изучать явления, с которым столкнулся, осмыслить их суть и опубликовать памфлет в электронном или печатном виде. Это будет его доступное оружие против амбиций самозванцев.

Как это было

Глава вызвал руководителя медийного центра, которого недавно назначили директором, к себе в кабинет и показал лист бумаги. На нём от руки был написан столбиком список официальных и других известных лиц, которым негласно воспрещались публикации в районной газете, выступления по радио и телевидению. Ниже, под именами «отверженных», мелким почерком было сделано пояснение, что надо исключить любое упоминание о них с мест событий и важных мероприятий. Особо не приветствовалось размещение фотографий и какой-то персональной положительной информации о человеке. Это значило для директора, чтобы он, взяв на себя ответственность, находил нужные слова, различные уловки, дабы избежать означенных в списке лиц от личного пиара и опасной для главы популярности их среди населения.

За месяц до этого Громов в беседе с заместителем главы администрации Надеждой Василенко по-товарищески говорил ей:

— Надежда Павловна, надо, чтобы вас хорошо знали в районе и городе. Это поможет работе, люди будут с большей охотой откликаться на ваши предложения, глубже понимать социальную политику совета депутатов и самой администрации. Чаще давайте свои материалы в газеты, на радио и телевидение, выступайте в них. Вы почувствуете отношение людей и к вашим делам и лично к вам. Это важно, чтобы ориентироваться в разных ситуациях и принимать те решения, которые больше отвечают запросам населения.

Громов не «поучал» или «наставлял», как может показаться читателю, он делился своим опытом работы в администрации, и такое общение с населением было оправдано. Его лучше понимали сами журналисты. Он становился ближе к людям и более открытым. Избиратели это ценили.

А здесь всё было наоборот, будто настоящие оборотни поработали.

«Как такое можно придумать, — думал Алексей Васильевич, — склонить к исполнению сомнительного и незаконного указания главного журналиста, вместе с ним и руководителей редакции муниципальной газеты, радио и телевидения вопреки закону о СМИ, их совести и знанию жизни? Чем всё такое может закончиться?»

Громов только сейчас понял, почему «молчат» сотрудники отделов и заместители главы администрации. До этого он мысленно возлагал на них вину за бездеятельность, безынициативность, самоизоляцию от населения района.

Директор телерадиокомпании (ТРК) твёрдым движением руки взял бумагу, свернул её вчетверо и положил во внутренний карман пиджака. Он знал, что глава не потерпит уклонения. Здесь надо быть «своим человеком».

Как он стал «своим», рассказывают бывшие сотрудники редакции. В области готовились к выборам губернатора и депутатов Законодательного собрания. В район приехала активистка последних лет деятельности комсомола, а ныне — член правящей партии и кандидат в областное собрание. Она привезла кипы печатных рекламных материалов и обратилась к директору муниципальной телерадиокомпании с предложением дать ей время для выступления и сделать ролик. Законное время на предвыборное вещание уже было распределено. Бывший директор ТРК, Андрей Викторович Степанов, вежливо объяснил ей:

— Уважаемая Елизавета Николаевна, извините, но мы не можем поставить ваш материал и дать дополнительное время для рекламы. Всё расписано согласно закону. Я не могу нарушать закон о выборах. — Но я была у главы администрации, Георгия Георгиевича, он заверил меня, что проблем не будет.

Тем более я заплачу вам. Речь идёт об областном законодательном органе, и всю кампанию организует наша партия. Зачем же вставлять палки в колёса? — Вот я так это и понимаю. А вы толкаете меня и весь коллектив редакции к нежелательному общению с прокурором. Как-то странно будут выглядеть эти выборы в глазах других кандидатов и партий. — Ну, знаете, не вам меня учить! Разберёмся!

Это был не первый случай объяснения директора ТРК с представителями предвыборных кампаний. Несколькими годами раньше он отказал пиарщику из столицы, который тоже ссылался на авторитетных лиц. Но первый глава поддержал его, сославшись на закон. Андрей Викторович стал директором ТРК ещё в девяностых, когда страна начала выходить на твёрдую почву государственности. Демократические партии теряли силу, проигрывали на выборах. Весь состав местного малого совета и его сторонники разбрелись по частным структурам, а кому-то досталась и собственность. Андрей Викторович был убеждённым демократом, но отличался от своих коллег практическим и честным мышлением, болеющим за судьбу страны и района. Он был одним из тех, кто мог стоять на танке у Белого дома в столице в августе 1991 года. Такой «революционер» не мог поступиться своими убеждениями и продолжал борьбу за правду. Закон природы срабатывал непременно. Революционеры должны были отдать власть кому-то другому, кто наблюдал и копил силы, не проявляя своего присутствия. В их рядах подрастали капиталами крупные собственники и обслуживающие их политические тяжеловесы. Это уже не идейные революционеры, а реальная сила, которая по своему разумению будет строить новую жизнь. Таким Андреям, не осознавшим свою роль в новой иерархии, места быть не должно. Но судьба по-другому распорядилась им. Глава района Коваленко вместе со своим заместителем Громовым, зная его честность и порядочность, предложили Андрею Викторовичу должность директора ТРК. Так бы он и работал ответственно и инициативно, если бы такие «активисты», как Елизавета Николаевна, не «дошли» и до него.

На следующий день Зарубнин вызвал своего заместителя и спросил:

— Ты знаешь, Руслан, что отчудил наш начальник телерадио? Наверняка Елизавета Николаевна тебе успела сказать. Ты же понимаешь, что ему там не место?

— У нас нет готовой кандидатуры на эту должность. Хотя срок истечения контракта уже близок. — Ставь кого угодно, только не оставляй этого выскочку. Посмотри там, где мы работали...

Так был назначен человек, которому он мог без сомнений передать свой список.

Глава не учёл простого русского разгильдяйства. Главный медиачиновник как-то забыл на столе

этот листок и вышел покурить на свежий воздух. В кабинет шефа зашёл корреспондент и положил текст очередного репортажа на стол для согласования. Конечно, он «неволью» заглянул в «секретную» бумажку. И тайна стала достоянием двоих...

Громов вспомнил свою историю погружения в журналистику.

В студенческие годы он начал увлекаться этой темой. Читал нужные книги, написал маленькую статью в газету, начал собирать студенческие анекдоты и записывать интересные случаи, слушая рассказы сокурсников. Работая инженером на главном предприятии, с большим интересом читал «Литературную газету» и выписал профессиональный журнал. Здесь же издал первую печатную газету на четырёх полосах, которую сразу запретили по соображениям секретности завода. С годами увлечение не прошло и помогло организовать в бурное время перестройки новую районную газету.

Объявили конкурс на должность редактора. О своём участии заявили два кандидата на должность: Вероника Царёва и Евгения Корнева. Обе имели опыт профессиональной работы в газетах.

Громова многому научил бывший редактор областной газеты, когда с его помощью верстал свой первый номер на заводе:

— Алексей, газета — ответственное дело. Я раньше дважды попадал под «разборки» в областном комитете партии. Как-то делали газету всю ночь, надо было поменять поставленный ранее материал на срочное сообщение с комментарием о выполнении плана по уборке урожая. Я проглядел одну фамилию, пропустил её с опечаткой, да и времени не было проверять, вот и попался. Меня вызвал секретарь по идеологии и издевательски спросил: «Ты что, не знаешь фамилии Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета РСФСР? Вместо Касленко отпечатал Козленко. Он мне уже позвонил! Ещё одна такая опечатка, и ты — простой репортёр!» Неприятно, конечно, после этого. Ходишь неделю «убитым», сердце отказывает. Запомни, Алёша, все фамилии, имена, отчества надо обязательно перепроверять, посади на это секретаршу или кого из журналистов. А вообще отвечать должен автор материала. Именно он должен взять за правило сверять инициалы или звонком к имяреку, или по достоверной информации. Другое дело — смысл статьи. Я всегда ищу идею того, о чём пишу. Анализирую события, не просто описываю, выделяю тех людей, которые, может, и незаметно, являются мотором какого-то явления, ищу таких, пытаюсь раскрывать их особенности. Это мой опыт. Может, что полезное ты извлечёшь и для себя. И ещё: считаю, что надо быть в русле того главного, к чему стремится город, район, какой-то коллектив. Какова цель, как её достичь. Это может стать основой множества последовательных материалов. Уверен, что

просто репортёрская работа по принуждению: пришёл, увидел, написал, — никому не нужна, она не оставляет следа в душах читателей.

Члены конкурсной комиссии слушали обоих кандидатов об их работе в газетах, задавали вопросы о самом главном: что они ставили своей целью, какие материалы больше покорили читателей, что хотели выделить в них. Важно было узнать, видят ли они особенности города и района, на чём думают сосредоточить внимание.

Силы конкурентов были примерно равны. Но Вероника Царёва имела преимущество в опыте руководства газетой, отвечала более уверенно и логично. Она и была утверждена главным редактором.

Прошло много лет. Газету удалось сделать интересной для читателей. Администрация района и глава откликнулись на все проблемы редакции, обеспечили хорошим оборудованием, дали просторное помещение, без проволочек утверждали бюджет, который позволял постоянно развиваться, ездить в творческие командировки, приглашать интересных гостей. Однажды в конце рабочего дня в кабинет Громова зашла Вероника Царёва и без предисловий, несколько озабоченно, обратилась к нему: — Алексей Васильевич, руководитель дошкольного отдела главного предприятия принесла заметку, нет, скорее статью, в которой критически оценивает действия администрации по переводу детских садов в муниципальную собственность, бросает упрёк вам лично. Почитайте, пожалуйста. Я хочу знать ваше мнение, опубликовать её или отложить, как обычное письмо в редакцию.

Вероника протянула Громову статью заведующей дошкольным отделом. Он сразу же понял, что автор письма борется не за благо детей и родителей, а за сохранение собственного места. Если статью не напечатать, то автор и её сторонники обвинят наверняка Громова, что он «зажал» прессу, не даёт хода «правдивой» информации, командует редактором. Если напечатать, то она собьёт с толку многих родителей. Если несправедливо будут обвинять власть за проволочки в решении насущного вопроса. Громов внимательно смотрел на редактора. В её взгляде и поведении он почувствовал, что она критически оценивает любое возможное решение своего куратора: «Запретит — значит, сам будет отвечать, я исполнитель. Разрешит — это тоже его проблема. Во-первых, проявит слабость, во-вторых, больше придётся приложить усилий, чтобы решить острый вопрос».

Громов был по должности куратором сми. Для него лично и для администрации это означало поддержку их в решении финансовых и бытовых проблем, помощь и участие в решении кадровых вопросов, обеспечение представительства членов редакции в мероприятиях администрации и совета депутатов, присутствие на совещаниях и другое.

Всё, кроме цензуры. Это противоречило бы статье третьей закона РФ «О средствах массовой информации». Куратор и сама редактор хорошо это знали, но обстоятельства неопределённости проблемы порой приводили её в кабинет Алексея Васильевича посоветоваться. Для него это был обычный рабочий момент, и он думал, как поступить. — Мы с главой давно занимаемся этим вопросом. Нет альтернативного его решения, кроме передачи садов в муниципальную собственность. И автор статьи, как руководитель учреждения, должна была досконально изучить эту проблему. Она хочет воспользоваться авторитетом директора предприятия и воздействовать на администрацию района, чтобы остаться при должности. Но те времена прошли, мы должны действовать строго по закону. А что касается вашего вопроса, печатать или нет, — вам решать, как главному редактору. Я не могу запретить, так же как и одобрить такой материал. Можно, конечно, дать взаимные точки зрения, по diskutieren на страницах газеты, но мы уже неоднократно излагали свою позицию. На заводе достаточно зрелые и грамотные специалисты, чтобы определиться с этим большим вопросом.

Статья не была напечатана, и Громов почувствовал, да и слышал краем уха, что на той стороне бушуют страсти и против него нарастает недовольство самого директора предприятия. Это было серьёзное противостояние для будущего Алексея Васильевича. Но ситуацию смягчила публикация «Предписания прокурора о незаконных действиях дирекции завода по оплате содержания детей в детских дошкольных учреждениях в пользу сторонних семей». И дирекция завода встала перед необходимостью передачи части ведомственных садов в муниципальную собственность.

Громов стал замечать перемены в поведении Вероники Царёвой. Она ставила на всю полосу материалы с фотографиями директора главного предприятия, стала проявлять больше инициативы в развитии материальной базы редакции и как бы умышленно выходила в своих запросах к администрации за пределы возможного, необходимого для нормальной работы редакции. Было заметно, что она готовит себя к переходу на более привлекательную работу и сознательно так ставит вопросы, чтобы можно было сослаться на недостаточное внимание администрации к проблемам редакции.

Вероника Царёва проработала к тому времени в газете более десяти лет. Много привнесла нового в деятельность редакции, изменила в лучшую сторону формат газеты, публиковала содержательные собственные статьи, выезжала за материалами в столицу на встречу с интересными людьми и даже на пресс-конференцию президента. Грамотно редактировала тексты, организовала передвижную арт-студию в помещении редакции, активно работала с представителями районной

интеллигенции. На газету никто не влиял. Это было естественным отношением к СМИ главы города и его заместителей. Фотографии первых лиц появлялись крайне редко. Их поздравления населения с праздниками подавались только в виде текста.

Через месяц после разговора Царёвой с Громовым, её пригласили от имени дирекции главного предприятия возглавить отдел информации и связи с общественностью. Заработная плата была намного выше, материальная база заводской газеты включала в себя не только отличные технические средства, но и хорошую типографию с оборудованием для цветной печати. Это был простор для творческой работы, и это давало возможность издавать газету большего формата в цветном исполнении. Громов не мог возражать против такого перехода своего сотрудника. Но не это его огорчило. В первом же номере заводской газеты, утверждённом Вероникой Царёвой в качестве редактора, стояла та самая статья. Это больше походило на плевков в сторону администрации. К счастью, ветер перемен нёс его уже в другую сторону — против самого автора. Согласно предписанию прокурора дирекция завода вынуждена была часть детских садов передать в муниципальную собственность. Дети родителей с разных предприятий и учреждений района и города могли за малую плату посещать муниципальные дошкольные учреждения. Тогда Громов увидел и прочувствовал, что значит параллельная, зависимая газета. Он до последнего дня своей работы оставлял редакцию муниципального органа на позициях независимости и самостоятельности. И с огорчением наблюдал, как заводская газета под руководством нового редактора меняет классический журналистский курс на услужливое удовлетворение требований одного своего главного руководителя. За последние годы многое изменилось и в муниципальной газете с частой сменяемостью кадров и приходом последней администрации. Громов воспринял это как слепую и временную крайность. Но влиять, как в иные времена, не мог, так как уже возглавлял одно из подразделений большого университета. Новая власть поменяла принципы своей работы и её медийных органов, нацелила их на удовлетворение потребности личных интересов главы района и узкопартийных интересов. Газета стала походить на пропагандистский листок. По этому поводу один из корреспондентов с журналистским образованием, написав заявление об уходе, сказал: — Пропагандисты много говорят и пишут, но правды в этом нет, в отличие от настоящих журналистов. Мне здесь больше делать нечего.

Гордое знамя четвёртой власти вмиг обветшало, повисло мелкими тряпицами над редакциями или превратилось в авоську для продуктов на местных рынках. Газета вместе с радио и телевидением

попала в жёсткие руки команды, будто в руки собственника, забывшего, что на неё расходуются деньги налогоплательщиков.

С папкой на поклон

Порой можно услышать от умных и сведущих учёных или прочитать в их научных статьях, что не было совсем нашествия татар на Русь: «Одни разговоры! Кто-то, что-то, где-то, когда-то! Полный туман, не верьте!» У меня есть неоспоримое доказательство того, что нашествие было и оставило неистребимый след в душах соотечественников. Вот только два явления, которые генетически изменили русский характер у некоторых начальствующих особ. Первое — получение «ярлыка» на правление. Выслуживаешься, кланяешься в ноги — тебе дают «ярлык»; показываешь гордость — «рубят» голову! И второе — раз тебе доверили «княжить» и собирать «дань», то ты проявляешь инициативу и сам, без особого намёка свыше, предлагаешь больше, лучше, заглядываешь в рот начальнику и снимаешь шляпу при его появлении, показываешь этим рвение и подобострастие. Это неистребимо и будет жить в веках, но не во всяких душах. Есть и более крепкие натуры, в которые не попал такой вирус (наверное, правильно будет сказать — мутированный ген). Я сказал «в душах» не случайно. Это условный ген, метафизический, который селится только в душах, но не в организме человека. Ведь генетики доказали, что в русских людях почти нет генетических следов татар или монголов, вопреки расхожей фразе Джеймса Галлатина (1821 год): «Поскребите русского — и вы найдёте татарина». Сами подумайте: современный руководитель, первое лицо на маленькой земле района, не единожды замеченный ранее на пленумах, сессиях, торжественных собраниях, давший не раз «клятву», что будет верно служить народу, вдруг берёт папку и едет за «ярлыком» на продление правления к «хану» в его «юрту». Это что? Скажите, как это понимать? Затрудняетесь? Так поступает беспомощный и зависимый руководитель. Вспомним генетику, чтобы правильно определить это явление. Так будет действительно по-научному. Учёные скажут: «В душе такого руководителя есть генетический след из прошлого, коренным образом изменивший его код». Кто так смог повлиять? Конечно, татары с монголами. Только они более двух столетий ломали души русских богатырей, а с ними и всего народа. Так что покопайтесь в истории, личной биографии такого человека, и вы убедитесь в этом. Как и повелось со дня роспуска главной и единственной партии в стране, которую называли «руководящей и направляющей», кадры стали подбирать и назначать на самые разные должности без той сложной системы согласований, что была в прошлом. Сообразуясь со служебной лестницей, теперь стоящий на верхней

ступени «Главный» сам решает, кого поставить на нижестоящую должность, и так до основания. Если руководителю достался высокий пост, то он становится временно хозяином положения и вершит кадровую политику по своему усмотрению, не в пример бывшим партийным или профсоюзным лидерам. Вспомним, какая громоздкая была система отбора, согласования, утверждения новых кадров на разных собраниях, пленумах, съездах. Настоящая пирамида была придумана. Вверху — партия, одна и самая главная, всё направляла и всем руководила. За ней — Советы депутатов трудящихся, те, про которые В. И. Ленин сказал: «Вся власть Советам!» Увы, их в пламени Гражданской войны тихонько отодвинули в сторону. Советы есть, а власти нет. Но, они состояли в списках на согласование кандидатур. Рядом шли профсоюзы — «приводной ремень партии». Подпись их начальников тоже была обязательной. А молодёжь опекали лидеры комсомола. Им тоже приносили на подпись решения и постановления старших товарищей, если речь шла о молодых. Сколько ненужных «винтиков»! Потому и механизм работал «со скрипом». Сами видите, сколько времени теряли. Да ещё тогда негласное понятие было: «номенклатурный работник». Составлялись специальные списки, утверждаемые на соответствующих ступенях партийной власти. И кандидат на должность, будь она хозяйственная или партийная, должен был пройти процедуру согласования и утверждения на самом высоком уровне. В народе об этом знали и говорили: «Вон номенклатурщик пошёл». Автор должен сказать, что такая кадровая политика оправдывала себя и в основном не позволяла возносить на ответственные должности случайных людей. Современная власть проста, как шар, и скоро на руку. Решительная, как сам Цезарь. Полководец решил, и точка! Правда, согласование всё же осталось: если над малым начальником стоит больший, его шеф, то без него решать не смей. Новые лидеры долго не мучились. Сразу вспоминали родных, друзей и верных помощников в прошлом. Ну и, конечно, своих любимых дам. Не жён, естественно. Это первый эшелон назначенцев. Другой эшелон — когда решения принимали их подчинённые по той же схеме. Все подбирали кадры по признакам лояльности: «свой — чужой». Знаете, как в боевой авиации. Летит истребитель и излучает периодические сигналы: «свой — чужой», «свой — чужой»... А навстречу ему неопознанный объект. На сигналы не отвечает или подаёт их по-своему. Тогда наш лётчик его — ба-бах, и готово! Значит, был «чужой».

О деловых качествах вспоминали, когда назначенец основательно проваливал дело. Его обычно отправляли в вышестоящие органы власти на более высокую или денежную должность, как говорят — на «кормление». Внимательные коллеги

замечали: «Пошёл на хлебную должность». Вначале эту должность отличал небедный паёк: повышенная зарплата, премии, какие-то дополнительные льготы в виде закрытого распределителя или внеочередного приобретения престижного автомобиля, хорошая квартира в «сталинском» доме. Как ни посмотри, примитивно и слабо было. Благо перестройка помогла и «славные» девяностые. Всё поставили на своё место. Доходы менеджера или чиновника высокого ранга стали считать в миллионах, умно придумали «золотые парашюты», которые раньше и не снились уходящим с должности. В нашем районе есть и свои особенности. Часто предлагают — будет точнее, если скажу: выдвигают, — на высокие ступени районной власти людей по странному принципу. Не буду повторять расхожую фразу, может, она излишне преувеличена и может быть оспорена. Но смысл её сводился к тому, что руководитель главного предприятия выдвигал на высокие должности в администрации района не совсем подготовленных для этой роли своих сотрудников. В чём это выражалось? Всякая профессиональная деятельность требует специальной подготовки, тем более работа с людьми, точнее, большим количеством граждан своего района. До девяносто первого года в стране была развитая система воспитания таких специалистов. Молодой инженер с предприятия включался в общественную работу, не важно какую: комсомол, профсоюзная организация или спортивный клуб. В них он начинал реализовывать свои способности в общественной работе. Рос, развивался, получал особые навыки и умения. Накапливал драгоценный опыт, начинал чувствовать организм всего района или города. Много учился, читал, предлагал свои идеи и активно их воплощал на деле. Такого человека замечали, предлагали новые интересные места для работы, тех, кто в делах особо отличался, принимали в партию. Это уже был серьёзный уровень с высокой ответственностью и основательная школа подготовки руководителя. Он мог быть приглашён на высокую должность на предприятии, мог быть избран в районный совет или его руководящий орган — исполком городского совета. По своим знаниям, способности убеждать людей и строить отношения с представителями любого социального уровня, способности воплощать свои идеи в жизнь он был уже тем руководителем, который профессионально владеет ситуацией и в большей степени соответствует предлагаемой должности. Та школа ушла. Только надо находить её принципы в новых формах общественной среды. Словом, чтобы не краснеть за своих выдвиженцев, руководителю не мешает обращать на это внимание. Но в нашем районе, как говорят знающие люди, то продвинул на руководство человека с главного

предприятия, который надоел своему директору или не угодил чем-то, потом приставят к нему из той же когорты кого-то в заместители, а позже критикуют: «Вот такая у нас районная власть, никакой пользы от неё!» Но главное предприятие старалось упорно держать «руку на пульсе», продвигая своих людей. На то оно и «главное»! Так родилось правило: последнее слово должно быть за директором завода или представителем госкорпорации. Муниципальная газета как-то нечаянно приоткрыла технологию отношений депутатов от завода с его директором. Один из депутатов, заместитель директора завода, которого вскоре директор выдвинет на должность главы администрации города, на вопрос корреспондента местной газеты: «Есть ли практика предварительного обсуждения депутатских вопросов в узком кругу на заводе?» — ответил: «У нас единственным лидером является генеральный директор. Если кто-то о себе думает, что он тоже лидер, то он глубоко ошибается. Так что забудьте о всяких согласованиях между собой, да ещё и на предприятии».

Депутатам оставался один коридор, по которому они должны были идти к директору спрашивать, что можно, а что нельзя! Было закономерно то, что, прежде чем поставить свою подпись под важным документом или принять весомое решение от имени администрации района, этот глава, тиснув под мышку папку с документами, ехал на согласование к своему бывшему начальнику — директору главного предприятия. Так можно было продлить «ярлык на правление». Сотрудники администрации, не подверженные новому влиянию, тихо посмеивались, показывая на депутатов районного совета: «Заводской совет депутатов». Потому они и голосовать должны были единогласно в духе «ярлыка на правление».

Глава города всегда на виду, он чувствует реакцию окружающих людей, их сдержанную скрытую усмешку в его адрес, и это не проходит бесследно. Испытывая унижения, а может, и нет, но, будучи подчинённым волевому и грубому руководителю своего бывшего предприятия, ломает себя, старается вопреки характеру смиряться, быть исполнительным и показывать преданность. Его высокая должность юридически выше должности своего условного начальника, но слабее его по реальному положению, приносит ещё большие испытания самолюбию, сильнее гнетёт морально, и это не проходит бесследно. Он ожесточается и срывает своё бессилие на подчинённых. Увольняет, перемещает, наказывает, небрежно общается, саркастически подшучивает над своей жертвой, пока не представится возможность избавиться от такого человека или он сам не выдержит психологического давления.

Потому развитие района, вопреки представлениям заводских руководителей, падало до той

черты, когда можно ставить большой минус во всех «достижениях» и крест на перспективе.

Новый глава после отставки двух своих предшественников от завода повёл себя по-другому, то ли по незнанию, то ли из личной гордости и с осознанием поддержки сверху от своих бывших руководителей области, которые продвинули его кандидатуру во власть. Только относительная независимость порождала скрытые от глаз посторонних проблемы для него лично. Отчасти он ещё имел артистичный характер и умел менять лицо. Но уступать кому бы то ни было оставалось ниже его достоинства. Георгий Георгиевич показывал всем свою независимость от руководителя главного предприятия, и не видно было, чтобы ездил к нему с папкой.

Не хлебом единым...

Человек почти ежедневно сталкивается с какими-то трудностями в жизни, отклонением от привычного её хода и благостного состояния. То кран потечёт, то засор в трубах, стул сломается. Но это мелочи. Бывает сложнее: ребёнка в школе обзывают, начал плохо учиться, учительница не обращает внимания. На работе тоже что-то не так. То премию не дали, то экзамены по технике безопасности придётся сдавать повторно... И всё это, повседневное, отбирает время, силы, желание что-то сделать для души, распорядиться свободным временем по её зову. Жизненная стихия поглощает всё глубже и глубже в свой, казалось, неизбежный омут забот. Как вырваться, как настроить себя на другой лад? Может, стоит остановиться и задуматься: а ради чего ты вообще живёшь? От кого ждёшь помощи или сочувствия? И нужно ли тебе в жизни что-то яркое, значимое, радующее душу? И не только твою, но и близких в семье, друзей, товарищей по работе? Работает ли на себя и никому не нужен? Это тебя устраивает? И не обманывай себя. Ведь ты хочешь получить улыбку друга, одобрение начальника, неформальное поздравление к празднику? Значит, твоя душа должна работать, стремиться к чему-то цельному, доброму, полезному. Говоря словами древних — к добродетели. У романтиков это получается лучше всех.

На главном предприятии много лет работал Евгений Иванович Муромцев. В начале семидесятых годов он окончил Новосибирский государственный университет по специальности «Механика и математическое моделирование». Трудился несколько лет в одном из институтов, пока по семейным обстоятельствам не переехал в молодой город. Здесь его с желанием приняли на главное предприятие и назначили начальником отдела технических инноваций и развития. Завод решал новые технологические задачи, тесно работал с профильными научными институтами,

в основном столичными, сотрудничал с ведущими учёными. Здесь нужен был творческий человек на постоянной основе, с научным мировоззрением и практическим опытом, который мог объединить усилия всех сторон. Им оказался Евгений Иванович. В конце восьмидесятых, когда промышленность страны стала испытывать особые трудности, Муромцев остался здесь работать, предприятие выжило и успешно осуществило несколько идей начальника отдела. В то время он познакомился с Алексеем Васильевичем Громовым и его женой Светланой Алексеевной. Завязалась многолетняя дружба. Их увлечения и размышления по многим вопросам совпадали, а жёны в чём-то были схожи своими скромными характерами. Они были просты в общении и равнодушны в отношении к жизни в самом высоком её понимании. В поведении Нины Петровны, жены Евгения Ивановича, и Светланы Алексеевны было заметно состояние души, которое обращено на мир с более широких духовных позиций и жизненных мерок.

Александр Блок в своё время хорошо чувствовал это состояние по театру и говорил, что романтизм (*он так это называл*) есть жадное стремление жить удесятёрённой жизнью, стремление создать такую жизнь. Думали об этом жёны друзей или нет, но звучали в их душах романтические нотки, и видели они свою жизнь в разных красках, не только серых.

Знакомые им люди иногда с иронией относились к самому слову «романтика», если откровенный разговор выходил на эту тему. Одна из соседок Светланы Алексеевны по подъезду возражала ей: — Светлана Алексеевна, о чём вы говорите? Какая романтика? Дай Бог справиться с тем, что на нас свалилось в последнее время. Цены растут, близкие теряют работу, люди начали сторониться друг друга. Вы посмотрите, какое качество продуктов! Муж потерял работу из-за банкротства предприятия, ездит на вахту. Там тоже стали снижать зарплату. Как я буду учить детей в университете?

В другой раз она возмутилась предложению Светланы Алексеевны дать название новому микрорайону, в котором они жили. Громова опубликовала призыв к жителям и предварительно, для их размышления, обозначила несколько романтических названий, связанных с особенностью условного посёлка: Солнечный, Рябиновый, Кедровый, Энтузиастов и тому подобные.

— Вот ещё что придумала! Пусть власть решит проблему с тротуарами и остановками. Не до красивых названий нам! — смеясь, ответила соседка.

Её подруга, кассир продуктового магазина, слушала разговор и загадочно улыбалась. Потом её лицо стало серьёзным и непроницаемым, она холодно сказала:

— Я знаю, что вы, будучи молодыми, с мужем и детьми ездили на свою зарплату и в Москву, и в Ленинград. Даже в Сочи успели побывать. А мы за

год работы дальше областного центра не соберём денег на дорогу и нормальный отдых. Какой уж тут романтизм? Дай Бог продержаться при том, что есть. А романтизм сейчас только в головах немногих. Да и в ваши годы он был пополам с принудительной. А сегодня — просто ностальгия...

Светлана Алексеевна видела, что в её словах о романтике, случайно произнесённых в откровенном разговоре, собеседницы находили что-то нереальное, напускное, неискреннее и даже немодное, что-то из прошлого, как старая одежда. Ей это было неприятно, отчуждало от собеседниц. Мир её интересов, как и её мужа, Алексея Васильевича, был полон не только профессиональной практической работой, но и мечтами, проникновением в духовный мир литературы, изобразительного искусства, отчасти тем идеализмом, который они хотели превратить в реальность. Алексей Васильевич как-то вечером читал сборник Иннокентия Анненского, поэта и критика, и остановился на речи о творчестве Гоголя:

— Света, послушай, что я нашёл! Если не возражаешь, я прочту тебе только один небольшой абзац из Анненского.

Светлане Алексеевне навсегда запали в душу слова писателя о том, что «в силу стремления, вложенного в нас Создателем, мы вечно ищем сближать в себе мир вещей с миром духовным, очищая, просветляя и возвышая свою бrenную телесную жизнь божественным прикосновением к ней мира идеального. И в этом заключается вся красота и весь смысл нашего существования».

Круг общения давно начал сужаться вокруг семей Муромцевых, Громовых и их друзей. Люди всё больше замыкались, категорично выражали свои мысли и оценки окружающей действительности. Особенно по политическим вопросам. Одни ругали власть и мечтали ещё о той демократии, которая вдруг разразилась на пике разброда умов в девяностые годы, другие стали проклинать капитализм и больше говорить о возврате к социализму, третьи с пессимизмом осуждали положение страны в мире.

Большим ударом для них было преобразование прессы. На глазах она становилась угоднической, поверхностной, с множеством фактических ошибок. Журналистам некогда было изучать историю жизни района, сверять имена и фамилии, расспрашивать очевидцев.

Жена Муромцева, Нина Петровна, работала до пенсии в заводской лаборатории. Как инженеру-химик, ей приходилось постоянно учиться, быть в курсе современных открытий и достижений коллег. Особо к этому подталкивали новые идеи, которые разрабатывали технологи и научные работники завода. Менялись техника, приборы контроля, система автоматического управления, изменялись параметры производства, а с ними исходные материалы и конечный продукт. Нине

Петровне, как руководителю группы, надо было идти в ногу с этими изменениями, что-то постоянно совершенствовать, многое предвидеть и упреждать знаниями и специальной подготовкой. В лаборатории оценивали с помощью современных приборов и компьютерных программ не только качество продукции, но и нарушения технологических параметров, которые вели к снижению её качества. Особую ответственность она чувствовала за свой коллектив, с которым надо было постоянно работать, помогать лаборантам, инженерам и техникам оставаться на уровне современных знаний. Дома она ничем не отличалась от подруг и соседей. Вела простой и даже скромный образ жизни. Вырастили с мужем двоих детей, занимались садоводством на своём участке, ездили и ходили в путешествия. Географические карты и туристические справочники в их квартире всегда хранились на видном месте. С приближением отпусков они начинали выбирать маршрут, изучали природные условия, исторические достопримечательности, расспрашивали бывалых путешественников из своего города. Уезжали порой в такие места, о которых потом без страха не могли вспомнить. Вспоминали и смеялись.

Когда они ездили по большим городам, в первую очередь наведывались в музеи, художественные галереи, исторические места. И всегда сравнивали увиденное с тем, что раньше дотошно изучали. Где-то могли сами повести экскурсию.

Светлана Алексеевна с Ниной Петровной не вовлекались в досужие разговоры с соседями и умолкали, услышав что-то из их рассуждений о «тяготах» жизни. Им не хотелось развивать сложную тему, очевидную для них. Особенно когда затрагивали молодые годы, которые по-разному отложились в памяти людей. У каждого были свои ценности в жизни, которые раньше нивелировали пропагандой и единой идеологией.

Ошибки гениев, или Уроки не впрок?

Девяностые годы оставили свой след в душах многих думающих людей. Не был исключением и Евгений Иванович. Тем более что ещё в университете он увлекался философией, мечтал о демократии, читал, наряду с древними авторами, сочинения, дневники, публицистику революционных демократов. Знал неплохо о Великой французской революции 1789-1794-1799 годов и последующих восстаниях, особенно периода Парижской коммуны 1871 года. В них как раз были ростки многих идей, воплощённых большевиками в 1917 году. В августе девяносто первого года он убедился в тупиковой политике партии, которая боялась кардинальных реформ, раскрепощения политического и научного мышления в обществе. Мыслящие люди давно тяготились в сознании тем незыблемым её курсом, который привёл к застою. Умногих даже

не просвещённых, но грамотных людей нарастало внутреннее чувство свободы, ощущение какой-то внешней оболочки, которая держит всех, словно кокон шелкопряда или яичная скорлупа, внутри которой начинала пробовать свою силу новая жизнь. Таких людей становилось больше и больше по мере развития доступного всеобщего образования, появления множества специалистов с высшим образованием во всех отраслях экономики и социальной сфере. Законсервированные идеи и теории, куда свободной мысли путь был строго заказан, начали всерьёз тревожить тех, кто пытался осмыслить своё существование.

На второй день «творчества» ГКЧП Муромцев написал заявление и вышел из партии. Оставаясь беспартийным, дважды избирался в районный совет депутатов и возглавлял социальную комиссию. Стал пенсионером далеко за шестьдесят, был завсегдаем библиотеки, книжного магазина, различных выставок и презентаций в городском музее. Смотрел выборочно передачи по ТВ и всё больше задавался вопросом: «Как пришли к этому? Не одно столетие лучшие умы думали о другом, строили теории, писали стихи, повести и романы, которые возбуждали революционный дух, за который молодые люди отдавали жизнь, шли на каторгу. Признанные гении поднимали целые народы разных стран на переход к новой, как они думали — справедливой, жизни по законам высшей морали. Но почему всё как всегда? Может быть, сама идея была ошибочной? Может, нельзя такими жертвами делать революции?»

Ему захотелось с кем-то поговорить, попробовать «на зуб» свои сумбурные мысли. Первый, с кем он чаще всех встречался, был Громов.

С этим вопросом он и пришёл к нему домой. Хозяин вскипятил воду в чайнике, поставил на стол фарфоровую розеточку с мёдом, предложил гостю домашнее печенье, которое накануне вечером напекла Светлана Алексеевна.

— Алексей, я утром заглянул в интернет, там есть сообщение об изменении погоды с понедельника по району. Наши женщины вроде хотели сходить на природу, посидеть у костра. Надо будет не откладывать.

— Да, я согласен! А знаешь, что правительство опять задумало, уже во второй раз?

— Нет. Что ты имеешь в виду?

— Обсуждает проект закона о запрете машин с правами рулём.

— Об этом надо было раньше думать. Я сразу вижу, что поднимется такой протест автовладельцев на всю страну, что наши законодатели будут не рады даже выносить этот проект на обсуждение...

Друзья посидели, попили чаю, поговорили о политике, о последних событиях в районе и вышли в зал. Там затронули большую статью в «Независимой газете» ранее близкого к президенту

политического деятеля. Он замахнулся как минимолит на уровень классиков и определил форму государственности на ближайшее столетие. Алексей заметил:

— Судя по статье, выбора у нас нет, всё, что мы наблюдаем, всего лишь иллюзия. Интересна цепочка государств, говорит автор статьи, созданных «людьми длинной воли» (по словам Гумилёва): Иваном Третьим (царство Московское и всей Руси), Петром Великим (Российская империя) и Владимиром Лениным (Советский Союз). Эту цепочку он, по своим понятиям, пытается продолжить. Жень, я намеренно говорю «по понятиям», потому что о научности статьи говорить не приходится. Нетрудно догадаться, куда клонит автор статьи. Не кажется тебе, что мы в очередной раз наступаем на злосчастные грабли?

— Это очевидно! Честно говоря, я не придал никакого значения этой статье. После девяносто первого года общественная мысль стала походить на брызги фонтана, которые красиво искрятся, но разлетаются в разные стороны, не образуя потока. Алексей, извини, что я тебя прерываю, хочу поговорить с тобой о своих вопросах.

Залом хозяин называл небольшую свободную комнату для отдыха в трёхкомнатной квартире, где между диваном и окном стоял маленький стол с ноутбуком. У противоположной стены поблёскивал стёклами дверок широкий трёхсекционный стеллаж, заполненный до отказа книгами. Алексей Васильевич с раннего возраста начал собирать книги, содержание которых изменялось в нарастающем по смыслу и сложности порядке. На полках ютились плотными рядками тома по истории, философии, хорошая подборка классической литературы. Одна секция была заполнена томиками научной познавательной литературы по разным областям знаний. Хозяин квартиры со своей супругой не просто собирали любимые издания, они жили с ними одной интеллектуальной жизнью, потребностью общаться, находить ответы на множество вопросов или просто наслаждаться мудрым содержанием и красотой художественного слова. Муромцеву нравилось здесь бывать, и он постоянно что-то брал почитать, хотя сам имел ещё большую библиотеку.

Библиотека Громова не случайно привлекала Муромцева. Она была отражением его духовного поиска, работы над собой. Своим содержанием больше походила на молчаливого, до первого прикосновения, члена семьи. Как только пальцы хозяина открывали обложку, начинался диалог. Не какой-то случайный, как бывает при встрече знакомых или друзей, или учёный разговор где-то в аудитории. То было спокойное, уважительное общение с любимым писателем, древним философом или великим учёным напрямую через десятилетия, века, эпохи. То, что автор хотел сказать своим

современникам при жизни, будь то поклонники литературных талантов, учёные, просто любознательные люди, он равно, минуя время, через книгу доносил до сознания живых умов свои бессмертные мысли и знания. Ни расстояния, ни природные катаклизмы и войны, ни противники этих знаний не смогли уничтожить, закрыть навечно зашифрованные в условных знаках — буквах, иероглифах, сложных письменах древних народов — мысли, чувства, великие открытия. Поэтому для владельцев домашних библиотек каждая книга была сокровищем, в них пряталась крупица человеческого духа, столь необходимая для жизни, для движения вперёд. Громы и Муромцев это понимали и чувствовали и не могли себя представить без доступного источника. В интернет они заходили, чтобы сверить мысли древних с теми, которые в головах современников, и своими собственными познаниями из быстротечной жизни.

Евгений Иванович объяснил Громову причину своего появления в его доме. Эта тема тоже волновала Алексея Васильевича, и он с большим вниманием начал слушать гостя. Громов не припоминал такого случая, чтобы Муромцев приходил специально поговорить о политике, пофилософствовать. Обычно они касались таких тем между прочим, в ходе обычного дружеского общения. Здесь он выделил особо причину визита, проявил заметную озабоченность. Видно, что-то начало его тревожить, он наверняка до этого обдумывал проблему, потому начал сразу в карьер:

— Не будем вспоминать про Новгородское вече, боярскую думу, земские соборы и другие очаги демократии, о которых сейчас много пишут и говорят, — сказал он. — Обрати внимание на первых русских демократов, которые «зажигали» сознание народа. Что ни имя, то гений или высший талант и ум: Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Герцен, Огарёв, Писарев, Петрашевский и другие... Западноевропейские мыслители того времени первого порядка Карл Маркс и Фридрих Энгельс запустили в свет «призрака коммунизма». Ленин с товарищами всю жизнь до этого целенаправленно шёл к осуществлению такой идеи. Он ухватился за лаконичный, похожий на развёрнутый лозунг «Манифест» и оживил того призрака. Все великие революционеры, особенно Маркс, мечтали сделать счастливыми «как можно большее количество людей» на земле. Этим он грезил с юных лет. Казалось, счастье народов — вот оно! Такие жертвы, потрясения глобального масштаба дорогого стоят. Но почему-то после немыслимого взлёта и признания миром великой мощи первого социалистического государства всё пошло по ущербному сценарию. В конце концов, не дотянув до столетия, оно развалилось, и народы стали охотно или вынужденно возвращаться в кабалу владельцев капитала. Я искал в литературе

и интернете ответ на этот вопрос. Масса теорий, публикаций, интервью. Авторы просто «пляшут на костях» былого «учения», издеваются над любимыми рассуждениями о социализме, не только втаптывают в грязь политические и философские взгляды левых авторов, но и взяли за дискредитацию нашего менталитета. Такое впечатление, что сегодня не только публицисты западного мира, но и наши, доморощенные, боятся даже упоминать в своих рассуждениях классиков марксизма или сразу ругают, не удосужившись привести аргументы, цитаты, обобщённые их мысли. Похоже, что они введут себя по пословице: «Обжѣгшись на молоке, дуют на воду». Всякая псевдонаучная мелочь пробует «лягнуть» мёртвого льва, даже не вспоминая, что он перевернул мир, и не пытаясь понять, в чём его ошибка.

Громов кивнул в знак согласия:

— Да, я думаю, что теоретики в чём-то глубоко ошиблись, и хочу понять: в чём? Это надо для того, чтобы не повторять их, а выбирать более верный путь развития. А ты посмотри, что творится в умах критиков! Главное у них—это отрицание, осуждение, без глубокого научного анализа, без уважения к собственной истории. Всё это делается так, будто мы люди с другой планеты: безродные, преступные, с утраченной культурой и большим сознанием. Западные идеологи хватаются за это как за «дар Божий» и оборачивают против нас. Мы сделали то, о чём предупреждал Тынянов: выплеснули с водой ребёнка.

Громов встал и начал ходить по залу.

Муромцев продолжил свой монолог. Его речь набирала обороты, он спешил довести свои мысли до собеседника, голос то поднимался до высоких нот, то вдруг утихал, и он с минуту молчал, скрестив руки на груди. Громов сел, опустив голову. Казалось, он думает о чём-то своём и не перебивает товарища. Но стоило Муромцеву остановиться на минуту, как Алексей Васильевич посмотрел на него вопрошающим взглядом и тихо сказал: — Продолжай!

— Что это было? Кем на самом деле оказались те умы, о которых я говорил?— задал вопрос после паузы Евгений Иванович.— Они питали иллюзии в масштабах их талантов и гениальности? Это ошибки мыслителей, или виноваты во всём нерадивые исполнители? Может, всё вместе? А может быть, они вышли за пределы моральных ценностей своего общества, придав своим сочинениям и научным работам политическую направленность, которая послужила разжиганию розни среди народа, деформации сознания, разрушению вековых традиций? Я в сочинениях Александра Герцена нашёл интересную переписку с русским эмигрантом в Англии, бывшим профессором греческой словесности Московского университета Владимиром Сергеевичем Печериным. Свободомыслие

ему дорого обошлось. Он уехал за границу, в Англию принял католичество и посвятил жизнь служению в монастыре. Первый русский диссидент, как его сейчас называют, писал Герцену, что когда философия бралась за *пересоздание общественного порядка*, она постоянно доходила до жестокого деспотизма, например, в Фридрихе Втором, Екатерине Второй, Иосифе Втором и во всех неудавшихся революциях, и что коммунизм может быть только видоизменением николаевского самовластия. Далее он говорил: «...иногда лучшие умы и благороднейшие сердца ошибаются в основе, сами не замечая того».

Муромцев вдруг замолчал. Молчание затягивалось. Громов подумал, что Евгений Иванович сбился с мысли, потерял нить разговора. Он подошёл к нему, возможно, желая задать наводящий вопрос. Но Муромцев выпрямился, посмотрел умным внимательным взглядом на Алексея Васильевича и сказал:

— Алексей, извини, я вспомнил, что несколько лет назад мне попало на глаза письмо Бакунина к Марксу из Локарно в Швейцарии, где он излагает свои мысли об их отношениях. Я тогда не придавал ему особого значения, много было другой важной информации и разных существенных событий в жизни страны. А сейчас, в ходе этого разговора, оно всплыло в памяти как своеобразный ключ к разгадке многого такого, что с нами произошло. Я тогда посмотрел и другие его записки. Скажу коротко. Михаил Бакунин ценил ум и глубокую учёность Маркса. Будучи сам активным и знающим революционером с большим опытом борьбы, разошёлся с ним по принципиальным вопросам. Сам подумай: он сказал, что никогда нельзя доверять власть ни одному человеку, каким бы гениальным и увенчанным добродетелями он ни был. То же он говорил и о меньшинстве, каким бы умным и благонамеренным оно ни являлось, над большой общностью народа. Бакунин напоминал, что, следуя закону, присущему самой власти, любая власть непременно несёт в себе злоупотребление властью, и любое правительство, будь оно даже избрано на всеобщих выборах, неодолимо стремится к деспотизму.

— Женя, ты прав. Мне интересны твои находки. Мы же привыкли красить в один тёмный цвет всех, кто не соглашался с политикой партии, имел свои мысли. Что мы знали о Бакунине? Анархист, да и только. Значит, не стоило его читать. Но это же интересная мысль... Продолжай!

— Отмечая ошибки Маркса, Бакунин писал, что тот— авторитарный коммунист, «сторонник освобождения и новой организации пролетариата государством». Но в этом уже заложено опасное противоречие. То есть власть организуется «сверху вниз, через разум и научный подход просвещённого меньшинства», исповедующего

социалистические взгляды. Заметь: «существующего законную власть над невежественными и глупыми массами для блага их же самих». Потому что государство—это не просто «организованные силы общества», а организация господствующего эксплуататорского класса. И если рабочий класс создаст новое государство, то это будет в действительности не государство трудящихся, а организация нового деспотического класса. Алексей, ты чувствуешь, здесь пахнет анархизмом? Но он этого и не скрывал. И ещё один существенный момент, который отметил Бакунин: «Маркс подходил к теории революции с экономических позиций, но никак не анализировал возможные внутренние проблемы, психологию людей и не полагал, что пролетарское государство неизбежно превратится в диктатуру бюрократии». Здесь сразу вспоминаются царствующие особы Древней Греции и Рима—Ликург и Нума Помпилий. Они-то сумели построить государства с учётом психологии людей, путём исправления их вредных привычек. Что-то вроде прообраза коммунизма. — Скорее, военного коммунизма, кстати, с использованием рабов.

— Обвал, Алексей, произошёл во всех коммунистических странах. Значит, теория Маркса и всех его последователей оказалась односторонней, «колоссом на глиняных ногах». Отсюда и крах всей возведённой в реальной жизни конструкции, крах самой благой идеи. Не так ли?

— Женя, ты идеалист! Я думаю проще. Сама идея коммунизма, как уже сказали многие независимые учёные, это утопия. Она родилась в головах теоретиков и легла на благодатную почву в душах бедных народов, позволила свершиться революции. Но власть-то потом многие годы держалась на силе государства и одной личности, а не на волеизъявлении народа. Саму теорию, вначале научную, превратили в религиозную догму с интеллектуальной неприкосновенностью, не позволяя ей развиваться. Никто не смел в научной среде критиковать, исправлять ошибки, докапываться до истины... — Алексей, но ведь мы жили, у нас была цель, был смысл жизни, он объединял нас, и молодёжь не была потерянными поколением. Мы сообща создали могучую державу. Это дорогого стоит. Разрушать до основания, как мы это сделали в очередной раз, большая глупость, падение в никуда.

Видно было, что Евгений Иванович устал, говорил медленно, тихим голосом, обдумывал каждую фразу. Алексей Васильевич улыбнулся и твёрдо сказал:

— Здесь ты прав. Созданное таким невероятным трудом хозяйство всей страны, моральные и культурные достижения, науку и образование уничтожали не просто «под горячую руку», а сознательно, под влиянием западных «партнёров».

Думаю, что наступает время «собрать камни». Теперь уже мало кто помнит слова того же Маркса, поддержанные Г. В. Плехановым, о том, что социалистическую революцию можно тогда свершать, когда созреют условия, экономические и социальные. Забыли? Пренебрегли? Тягостно было ждать и на всю катушку использовать плоды буржуазно-демократической революции для проведения назревших реформ? Легко говорить об этом после испепеляющего цунами, прошедшего с разрушительной силой через половину мира. Богата русская голова задним умом. Общество, конечно, не может жить в состоянии покоя, не ощущать и не осознавать необходимость развития. Думаю, что только спешка и самоуверенность выдающихся личностей привели к обратному эффекту. Большие ошибки великих людей в конечном счёте отразились на всех остальных—«нормальных». Они ввергли их в большие несчастья,—заклучил он, взмахнув указательным пальцем правой руки сверху вниз.

— Скажи, какое место сейчас занимают в сознании людей имена названных революционеров?—вдруг спросил Муромцев.

Алексей Васильевич посмотрел внимательно на Муромцева и сказал:

— Я вот что думаю. Ошибки гениальных умов непременно имеют место. Но нельзя забывать напряжённую обстановку в России во второй половине девятнадцатого века, особенно в конце его, и в начале двадцатого века. Остервенелый террор со стороны революционеров разных толков, интеллигенция бредит социализмом, рабочие возбуждены, а власть всё слабее и слабее. Государь больше выполняет функцию отца семейства среди прекрасных дочерей, нежели исполняет своё главное предназначение—быть настоящим лидером огромного государства. Да ещё Распутин стал влиятельным лицом в семье государя. А здесь вдруг—мировая война: всё в одну кучу. К тому же и то влияние, которое незримо подтачивало законную власть в России, со стороны западных «партнёров». Я имею в виду финансовую поддержку с их стороны наших революционеров. Короче, была своя специфика. Может, не вина в случившемся известных лидеров революционного движения? Может, это было проявление совокупной воли самого народа? Вместе с тем тот хаос, бездарность и нерешительность Временного правительства развязали руки и вдохновили небольшую в то время партию большевиков. Соглашусь с утверждением, что они просто подобрали эту власть на улицах столицы. Но распорядились прагматично, сумели сохранить её на долгое время. А имена надо помнить, изучать мысли тех, кто перевернул мир, делать выводы, чтобы не повторять ошибок. Это наша история.

Окончание следует